

XLIII г.

№ 24

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 16-го іюня 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

г. XLIII

1912

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Помяловскаго“ кн. 3.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1912 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:
ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. А. ФЕТА,
А. И. КУПРИНА, Оскара УАЙЛЬДА.

12 книгъ „Ежемесячныхъ Литературныхъ и Популярно-Научныхъ Приложеній“ и пр.

Г. Вейссъ. Вечеръ сраженія при Линьи (16 іюня 1815 г.).

Подъ аистинымъ гнѣздомъ.

Повѣсть **Вл. Ленскаго.**

Перепечатка воспрещается.

I.

Изба Бабулаки стояла на самомъ краю города, и за ней разстилалась ровная, пустынная солончаковая степь, заливаемая весной, во время разлива Дуная, водой вплоть до ивовой ограды бабулакинаго двора. Весенняя вода держалась долго, почти до конца мая, и на фонѣ ея свѣтлаго, блестящаго пространства низкая, покривившаяся избушка, съ черной камышевой крышей, свисавшей на стѣны ключьями, и маленькимъ, подслѣповатымъ окномъ казалась сгорбленной, сидящей у воды старухой, сердито насупившейся подъ надвинутой на глаза шапкой. Большое гнѣздо изъ прутьевъ и вѣтокъ, въ которомъ неизмѣнно, начиная съ половодья и кончая глубокой осенью, торчалъ аистъ, стоя неподвижно на одной ногѣ, съ серьезной задумчивостью опустивъ на грудь длинный красный клювъ,—придавало избѣ видъ грустной убогости, ненужности, словно она вся только на то и годилась, чтобы служить основаніемъ для аистинаго гнѣзда...

Одной стороною изба выходила на кривую, грязную улицу, другою—на степь, окаймленную вдали излучиной Дуная, видимой на горизонтѣ только въ ясную лѣтнюю погоду. Изъ смотрѣвшаго въ эту сторону окошечка избы видно было ровное пространство мелкой воды съ бродящими по ней неуклюжими, грузными розовыми пелеканами и стройными, бѣлоснѣжными, съ черными на концахъ крыльями и хвостомъ, аистами. Безчисленное множество лягушекъ, пригрѣтыхъ весеннимъ солнцемъ, цѣлый день оглашаетъ водную равнину мягкими, мелодичными, меланхолическими звуками, подобными пѣнію органа, исторгнутому изъ его трубъ легкимъ вѣяньемъ рѣчного вѣтерка; а ночью, высунувъ глазастыя головки изъ воды, безъ риска попасть въ зобъ аиста или пелекана, лягушки раздражаются невообразимо дикой и шумной какофоніей, которая однако вслѣдствіе бѣдности звуковъ и однообразія въ самой ихъ нестройности, не только не нарушаетъ соннаго молчанія воды и спящаго около нея городка, но даже какъ-будто углубляетъ тишину, спокойную неподвижность задумчивости и дремоты...

Когда спадаетъ вода—лягушки вымираютъ, аисты и пелеканы переселяются въ плавни—заросшія камышами болотистыя прибрежья Дуная, и пустынная, ровная степь замираетъ въ мертвомъ молчаніи, покрываясь бѣлымъ налетомъ соли, выступающей изъ размокшей почвы подъ горячими лучами юньскаго солнца. Позже на ней появляется жалкая, приземистая растительность, сѣрая отъ того же бѣлаго налета и соленая на вкусъ, получившая названіе солончака. Къ этому времени, приблизительно въ половинѣ юня, на бѣлой поверхности солончаковой степи, словно изъ земли, вырастаетъ темное пятно цыганскаго табора—десятка два скученныхъ телѣгъ съ разбитыми около нихъ грязными палатками,—и избушка Бабулаки, глядя своимъ подслѣповатымъ окошечкомъ на его вечерніе костры и прислушиваясь къ доносящимся отсюда вольнымъ степнымъ пѣснямъ, какъ-будто еще больше хмурится и еще глубже уходитъ въ свою, темную отъ дождей и старости, лохматую камышевую шапку...

II.

Мѣсто, гдѣ стояла изба Бабулаки, много лѣтъ оставалось пустымъ; никому не приходило въ голову построить здѣсь домъ, потому что въ этомъ мѣстѣ весенняя вода ближе всего подходила къ городу. Однажды, въ одинъ изъ первыхъ апрѣльскихъ дней, на этомъ пустырьѣ вдругъ появился маленькій человѣчекъ съ сморщеннымъ, щетинистымъ лицомъ и полугорбатой спиной, съ быстрыми, злыми, изподлобья глядящими глазками. Никто не зналъ, кто онъ, откуда пришелъ; похоже было на то, что подступившая накануне къ городу вода принесла его съ собой и выкинула на этотъ пустырь. И въ самомъ дѣлѣ, онъ имѣлъ такой недоумѣвающей, растерянный видъ, словно и самъ не понималъ, куда его принесло и зачѣмъ. Онъ ходилъ по пустырю, разводя руками и разговаривая самъ съ собой, или стоялъ неподвижно, приложивъ щиткомъ руку къ глазамъ и глядя на широкое, блестящее пространство воды, или выходилъ на улицу и смотрѣлъ въ обѣ стороны, покачивая головой, какъ бы что-то соображая и вымѣривая взглядомъ. Но вотъ онъ вдругъ ударилъ себя по

бедромъ руками и побѣжалъ черезъ дорогу къ вдовѣ Марицѣ, которая стояла въ дверяхъ своей избы и наблюдала его изъ-подъ ладони, защищавшей глаза отъ солнца...

Марица была еще не старая, красивая, полная женщина съ румянымъ лицомъ и черными глазами. Приблизившись къ ней, Бабулака сдѣлалъ пріятное лицо и, не снимая съ головы своей маленькой, плѣшивой бараньей шапки, низко поклонился. Онъ попросилъ у нея лопату и ведро.

— Зачѣмъ?—спросила Марица, недоувѣрчиво оглядывая его тощую, сутулую фигуру съ головы до ногъ.

— Домъ буду строить.

— Самъ?

— Самъ.

Марица покачала головой, точно сомнѣваясь въ томъ, что онъ можетъ самъ выстроить домъ, но ведро и лопату дала... Только спросила—кто онъ и откуда пришелъ.

— Бабулака, Бабулака!—сказалъ онъ, торопливо подхватывая ведро и лопату.—Изъ Букареста!.. Жилъ въ Галацѣ—плохо. Пошелъ въ Рени—дѣла нѣтъ. Оттуда—въ Татарь-Бунаръ. Изъ Татарь-Бунара—въ Килію... Тутъ хорошо. Молдаванъ много. Дѣло есть. Домъ буду строить. Жить буду...

На ихъ голоса выглянула изъ окна избы дочь Марицы, черноглазая Параскива. Выраженіе лица Бабулаки стало еще пріятнѣе; онъ опустил на землю ведро, поглядѣлъ на нее прищуренными отъ удовольствія глазами и сказалъ Марицѣ, вздохнувъ:

— Красивая у тебя дѣвушка. Дай Богъ счастья...

Фигура Бабулаки, должно-быть, показалась Параскивѣ очень смѣшной—она засмѣялась всеми своими ровными, бѣлыми зубами. Лицо Бабулаки превратилось въ одну сплошную морщину, и онъ тоже засмѣялся, открывъ черные, гнилые зубы.

— Вотъ и хорошо!—сказалъ онъ, трясая отъ смѣха своей маленькой головкой:—будемъ сосѣди...—Онъ поднялъ ведро, вскинулъ на плечо лопату и низко поклонился.

— Помогай вамъ Богъ!—сказала Марица, учтиво отвѣчая на его поклонъ...

На пустырьѣ закипѣла работа. Почва оказалась глинистой, удобной для стройки. Бабулака рылъ землю, поливалъ ее водой, которую черпалъ тутъ же, за ивовой оградой пустыря, и, засучивъ выше колѣнъ широкіе холщевые штаны, мѣсилъ ее босыми, тощими ногами, терпѣливо часами топчась въ густой, холодной, липкой, желтовато-черной грязи. Мѣсто для избы онъ выбралъ съ такимъ расчетомъ, чтобы она выходила одной стороною на улицу, и въ этотъ же день сталъ класъ фундаментъ. Работалъ онъ до поздней ночи и тутъ же на голой землѣ, подъ открытымъ небомъ, легъ спать...

На разсвѣтѣ онъ приволокъ откуда-то нѣсколько тонкихъ жердей и пять сноповъ камыша и изъ нихъ на мягкомъ еще фундаментѣ сдѣлалъ тонкія, рѣшетчатыя стѣнки, которыя стали облѣпливать съ наружной и внутренней стороны толстымъ слоемъ земляного тѣста. Работа быстро подвигалась, и аисты уже кружились надъ бабулакиной постройкой, находя ее удобной, въ виду близости воды, для устройства на ней своего гнѣзда...

Покончивъ со стѣнами, Бабулака вернулъ Марицѣ ведро и лопату и взамѣнъ ихъ взялъ у нея топоръ и молотокъ. Спусти еще нѣсколько дней, на черныя, еще не совсѣмъ просохшія, стѣны легла крыша изъ прошлогодняго, сухого, желтаго камыша, наподобіе опустившейся на нихъ птицы съ прищуренными крыльями... Пока Бабулака клалъ печь, прилаживалъ окна и дверь, бѣлили стѣны снаружи и внутри—на крышѣ тоже шла оживленная, спѣшная работа: пара аистовъ строила гнѣздо на самомъ концѣ гребня, выходившемъ на улицу. И работа ихъ, въ противоположность молчаливой, одинокой работѣ Бабулаки, сопровождалась непрерывнымъ свистомъ и хлопаньемъ крыльевъ и отчаянной трескотней, которую они производили своими длинными, твердыми клювами, слетаясь къ гнѣзду послѣ кратковременной разлуки. По народному повѣрію, аисты охраняютъ миръ и способствуютъ благополучію дома, крышу котораго они избрали для своего мѣстожительства, и потому Бабулака былъ очень дово-

лень, когда увидѣлъ, что его крышу облюбовала эта нѣжная пара. Онъ часто поднималъ къ нимъ глаза и смѣялся, морща свое щетинистое лицо, и послѣ этого почему-то непременно смотрѣлъ черезъ дорогу, на избу Марицы, гдѣ то въ окнѣ, то въ дверяхъ, то за низкимъ ивовымъ плетнемъ мелькало бѣлое, румяное лицо черноволосой Параскивы, ея статная, полная фигура съ дрожащими на ходу грудями и бедрами. И если аисты заставляли его радостно смѣяться, то Параскива вызывала въ немъ совершенно противоположныя чувства: ему становилось грустно, онъ тяжело вздыхалъ и говорилъ, качая головой:

— Красивая дѣвушка... Дай Богъ счастья...

III.

Когда изба была совсѣмъ готова—аистиха уже сидѣла на яйцахъ, а аистъ прилеталъ съ широкаго воднаго пространства съ полнымъ зобомъ, изъ котораго, треща клювомъ, выбрасывалъ ей проглоченныхъ живьемъ лягушекъ, слизняковъ, плотичекъ, ершиковъ, червей. Аистиха тоже трещала клювомъ, глотая его добычу, и, насытившись, погружалась въ дремоту; аистъ же снова улеталъ на воду...

Бабулака отнесъ Марицѣ ея топоръ и молотокъ и полушутя, полусерьезно сказалъ:

— Домъ готовъ, а хозяйки у Бабулаки нѣтъ...

— Женись,—сказала Марица, смѣясь его сморщенному лицу съ большимъ крючковатымъ носомъ и худой, сгорбленной фигурѣ:—чѣмъ не женихъ!..

Бабулака засмѣялся и сказалъ какъ-будто въ шутку, хитро подмигнувъ:

— Отдай за меня Параскиву...

Это была, конечно, шутка, и Марица иначе, какъ за шутку, и не могла принять его слова, хотя, сказавъ ихъ, онъ пересталъ смѣяться и, казалось, серьезно ждалъ ея отвѣта. Она крикнула со смѣхомъ въ другую комнату:

— Параскива,—вотъ тебѣ женихъ!..

Дѣвушка выглянула въ дверь, выставивъ свое бѣлое, круглое лицо и полную грудь, закрытую вышитой сорочкой, посмотрѣла на мать и на Бабулаку и, сердито блеснувъ черными глазами изъ-подъ намурившихся бровей, повернулась спиной и скрылась въ темной комнаткѣ.

— Ну, вотъ видишь!—сказала, смѣясь, Марица:—я не виновата... Ищи другую..

Бабулака тоже смѣялся. Но, придя къ своей новой избѣ, сердито плюнулъ въ ихъ сторону и послѣ этого старался уже туда не смотрѣть...

IV.

Марица и другіе сосѣди съ любопытствомъ слѣдили изъ своихъ дверей за Бабулакой: чтѣ онъ дальше будетъ дѣлать? Если предположить, что у него былъ небольшой капиталъ, то онъ его, вѣроятно, истратилъ на покупку мѣста подъ избу, жердей, камыша, оконныхъ рамъ, и ведро, лопату и топоръ онъ занималъ потому, что на нихъ у него уже денегъ нехватало. А разъ у человѣка нѣтъ денегъ, значить—онъ долженъ чѣмъ-нибудь заняться. Чѣмъ же займется этотъ маленький, юркій человѣчекъ съ такимъ смѣшнымъ носомъ и горбатой спиной?..

Однажды, выглянувъ рано утромъ въ окно, Марица увидѣла Бабулаку бредущаго съ высоко засученными штанами по водѣ, далеко отъ избы, съ ведромъ въ одной рукѣ и съ круглой, на длинной палкѣ, сѣткой въ другой. Трудно было понять, чтѣ онъ затѣвалъ, для чего ему понадобилось идти въ ту сторону по водѣ, которой и конца не видно было, и Марица позвала дочь, чтобы и она посмотрѣла на этого чудака. Но и вмѣстѣ онѣ не могли придумать, чтѣ онъ тамъ дѣлалъ, блуждая по колѣни въ водѣ и уходя все дальше вглубь дунайскаго разлива. Скоро онъ ушелъ такъ далеко, что его можно было принять за аиста, если бы онъ былъ въ бѣломъ и немного постройнѣй...

Аисты, поселившіеся на крышѣ бабулакиной избы и этимъ какъ бы обязавшіеся создать въ ней благополучіе, научили Бабулаку, чтѣ нужно дѣлать, чтобы быть сытымъ. Правда, весенняя вода была еще порядкомъ холодна, и его ноги скоро посинѣли и такъ застыли, что онъ не чувствовалъ ихъ подъ собой, но зато въ ней было много рыбы, забредшей сюда изъ Дуная. Аисты и пелеканы медленно и неустанно бродили по водѣ, съ большимъ достоинствомъ глотая водяныхъ обитателей, словно дѣлали имъ

громадное одолженіе. Эти серьезныя птицы держались отъ Бабулаки на приличномъ разстояніи, не разобравъ еще, чтѣ онъ за птица, и птица ли вообще, и не опасно ли приближаться къ нему. Они издали спокойно слѣдили за нимъ, удивляясь только рѣзкимъ выраженіямъ его радости, съ которой онъ отправлялъ въ свое ведро пойманную въ водѣ живность. Но они, повидимому, ничего не имѣли противъ него и охотно предоставляли ему добывать себѣ пропитаніе въ ихъ владѣніяхъ.

Эту весну вода была особенно богата всякой живою тварью, и если бы въ ней кормилась еще хоть сотня такихъ алчныхъ существъ, какъ Бабулака, то и тогда хватило бы на всѣхъ съ избыткомъ. А Бабулака, къ тому же, вылавливалъ изъ воды лишь плотичку, красноперку, ершиковъ, словомъ—только рыбу, не трогая червей, тритоновъ, лягушекъ, слизняковъ, т.-е. именно того, чѣмъ болѣе всего интересовались аисты и пелеканы...

Бабулака ушелъ отъ своей избы версты за полторы, а вода лишь чуть переходила за колѣни и была такая свѣтлая, прозрачная, ясная, что, глядя на нее, глаза сами шурились. Трудно было разобрать, гдѣ кончается гладь воды и гдѣ начинается небо. Только торчавшіе кое-гдѣ пелеканы и медленно переступавшіе съ ноги на ногу аисты указывали, что тамъ вода, а не небо. Тишина воздуха и воды, тишина ранняго весенняго утра лишь изрѣдка нарушалась соннымъ кваканьемъ проснувшейся лягушки или отрывистой трескотней спускавшагося на воду аиста, или отдаленнымъ свистомъ крыльевъ пролетающей въ сторонѣ стаи дикихъ утокъ. Изъ города, за дальностью разстоянія, не доносилось ни звука, и Бабулака, оборачиваясь, поглядывалъ въ ту сторону, то хитро кому-то подмигивая, то сердито отплевываясь. Легко было догадаться, что и подмигиванья и плевки относились непосредственно къ Марицѣ и Параскивѣ, противъ которыхъ Бабулака таилъ злобу. Чѣмъ больше набиралось въ его ведрѣ рыбы, тѣмъ злораднѣе подмигивалъ и плевалъ Бабулака. И каждый разъ, вытряхивая изъ сѣтки въ ведро серебристыхъ, зыбко трепыхавшихся рыбокъ, онъ говорилъ, трясясь отъ злобной радости:

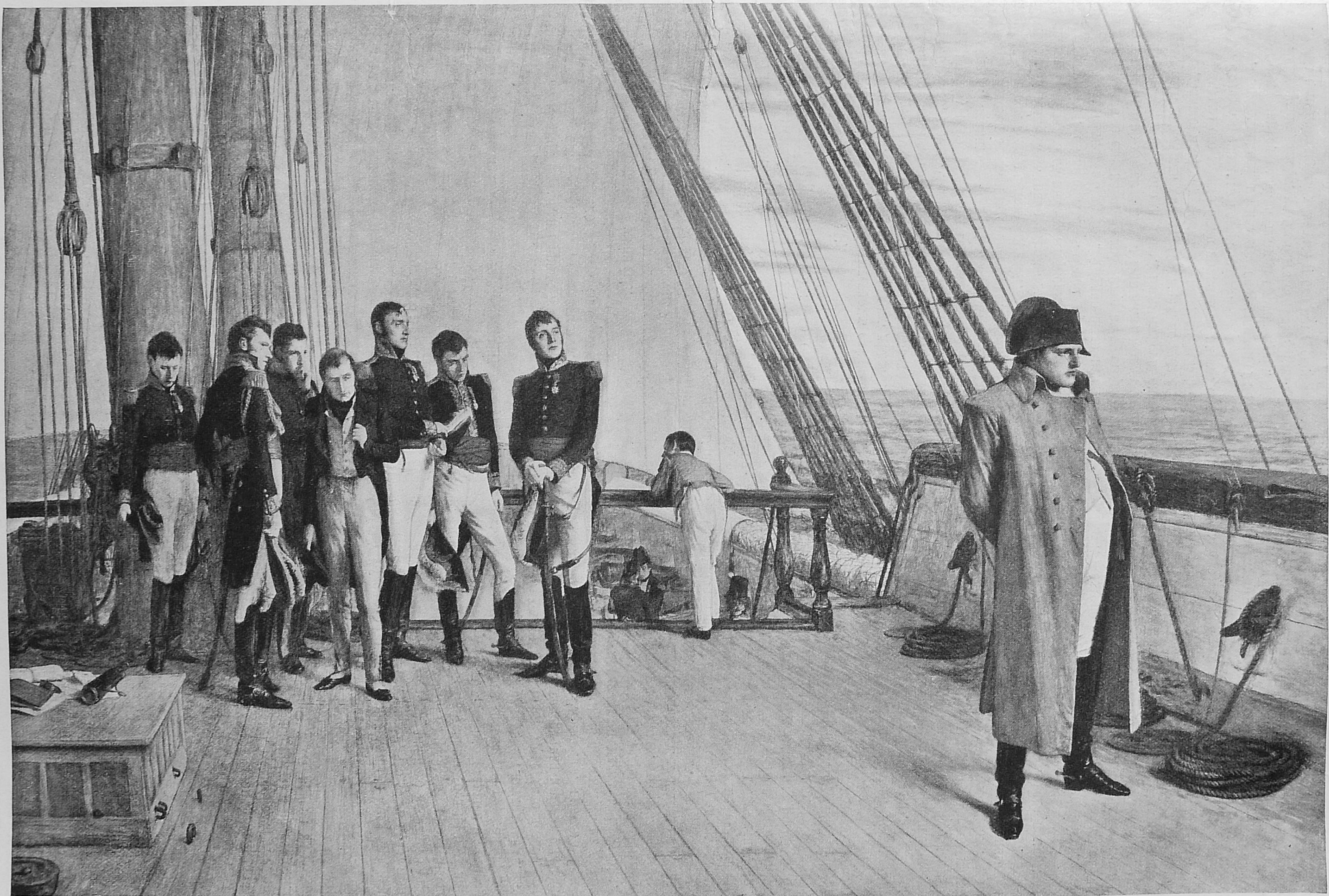
— Бабулака рыбу наловить... У Бабулаки деньги будутъ... Не надо смѣяться надъ Бабулакой...

Съ приближеніемъ солнца къ закату надъ водой появились комары въ безчисленномъ множествѣ, налетавшіе сюда и въ городъ каждый вечеръ цѣлыми гучами изъ дунайскихъ плавень, которыя изъ-за нихъ въ это время года были совершенно недоступны. Бывали случаи, что въ плавняхъ погибали отъ комаровъ люди,—по крайней мѣрѣ тамъ каждое лѣто во время рѣзки камыша находили одинъ-два трупа, изъѣденные комарами до того, что нельзя было узнать, кто это былъ, и даже распознать—мужчина или женщина. Жители городка весной, отъ начала марта до июня, жестоко страдали отъ комаровъ, которые преслѣдовали ихъ не только на улицахъ, но и въ домахъ, куда они проникали черезъ малѣйшія щели, наполняя комнаты невыносимымъ жужжаньемъ, и не давали спать, впиваясь въ тѣло даже сквозь бѣлье и платье и наливая свои брюшки человѣческой кровью. Изъ-за нихъ нельзя было вечеромъ раскрывать оконъ, чтобы впустить свѣжій воздухъ, и приходилось спать въ душныхъ комнатахъ, наполнивъ ихъ передъ тѣмъ, какъ ложиться, какимъ-нибудь ѣдкимъ, удушливымъ дымомъ, отъ котораго комары дурѣли и теряли способность жалить...

Бабулака ожесточенно воевалъ на водѣ съ комарами, но не ушелъ, пока не наполнилъ ведро до краевъ рыбой. Когда онъ вернулся—все лицо и руки у него были красны отъ укусовъ, но онъ былъ веселъ и доволенъ. И заснулъ съ легкимъ и радостнымъ сердцемъ, несмотря на то, что комары, провожавшіе его до самаго дома, успѣли вмѣстѣ съ нимъ проникнуть въ избу и тамъ всю ночь продолжали пить его кровь...

V.

Появленіе Бабулаки на базарѣ съ рыбой вызвало только легкія насмѣшки по его адресу, но не больше. Для того, чтобы не вдѣлаться рѣзко въ ряду женщинъ, чтѣ могло повредить его отношеніямъ съ ними и торговлѣ, онъ повязалъ себѣ голову платкомъ по-бабьи, концами назадъ, и этимъ сразу какъ бы узаконилъ свое право сидѣть среди нихъ и дѣлать то же, чтѣ и онѣ. Женщины, посмѣиваясь, охотно потѣснились и дали ему мѣсто; Бабулака, сердито, изподлобья поглядывая на нихъ, тотчасъ же принялся визгливо, бабьимъ голосомъ, зазывать покупателей...

Полк. Плана. Ген. Монтолонъ. Хирургъ Мэнго. Графъ Ласъ-Казасъ. Ген. Савари. Ген. Лалеманъ. Ген. Бертранъ. Ласъ-Казасъ (сынъ).

В. Орчардсонъ. Наполеонъ на „Белерофонъ“.

В. Сюлливанъ. Тревожный моментъ. (Ватерлоо, 18 июня 1815 г.).

Товарь у Бабулаки былъ дешевый и лакомый для бѣдности, пробававшейся хлѣбомъ и картофелемъ, и въ полчаса его ведро опустѣло, а въ карманѣ весело звенѣли мѣдяки, которыхъ набралось больше рубля. Вернувшись съ базара, Бабулака весело кивнулъ аисту, стоявшему на крышѣ его избы около гнѣзда на одной ногѣ, а въ сторону Марицы махнулъ пустымъ ведромъ и потомъ ударилъ себя по широкому штанамъ, въ глубинѣ которыхъ гдѣ-то звенѣли мѣдные деньги...

Оттого, что Бабулака не далъ достаточно просохнуть стѣнамъ и поторопился накрыть ихъ крышей, въ избѣ было сыро, какъ въ погребѣ, пахло мокрой землей, гнилью и еще сухой травой, сильно отсырѣвшей, изъ которой онъ сдѣлалъ себѣ, прямо на земляномъ полу, постель, покрывъ ее старыми мѣшками. Половину первой комнаты занимала большая молдавская печь—груба, выходившая горбатой спиной въ другую половину избы. Первая комната была совсѣмъ темная и освѣщалась только черезъ дверь, которую Бабулака держалъ открытой, когда былъ дома; во-второй было два окошечка, смотрѣвшія одно на улицу, другое—въ залитую водой солончаковую пустыню и дававшія такъ мало свѣта, что Бабулака долженъ былъ выходить на улицу, если ему нужно было зашить что-нибудь на своемъ приходившемъ въ ветхость платьѣ. Кромѣ запаха гнили и сырой травы, въ избѣ пахло еще давно не мывшимся человѣкомъ и кислымъ чернымъ хлѣбомъ, которымъ только и питался Бабулака...

Послѣ обѣда, поспавъ съ часъ на своей постели, Бабулака отправился къ рѣчкѣ, протекавшей недалеко отъ его избы черезъ городъ во время половодья и высохавшей вмѣстѣ съ весенней водой. Здѣсь онъ нарѣзалъ тонкихъ, длинныхъ прутьевъ со старыхъ, кряжистыхъ ивъ и, вернувшись къ порогу своей избы, принялся плести изъ нихъ корзину. Бабулака былъ мастеръ на все руки, и Марица, смотрѣвшая на него изъ окна, не могла не удивиться быстротѣ и ловкости его корявыхъ пальцевъ, переплетавшихъ прутья такъ легко, словно это были нитки или соломинки. Корзина была готова еще задолго до заката солнца и вышла хоть куда. То, что она была сдѣлана изъ свѣжихъ прутьевъ, придавало ей особенную прелесть. Она была нѣжно-зеленая, съ сѣроватымъ налетомъ, цвѣта и пахла древеснымъ сокомъ, листьями и рѣчной водой. Кромѣ того, она была круглая, глубокая, помѣстительна и удобна для носки, такъ какъ имѣла ручку, сплетенную изъ трехъ прутьевъ и прикрѣпленную къ ея краямъ въ видѣ дуги.

Съ этой корзиной, прихвативъ еще и ведро, Бабулака снова отправился на ловлю рыбы, не дожидаясь утра,—и вернулся въ сумерки съ полными корзиной и ведромъ, которыя едва дотащилъ до дому. Всю ночь въ корзину и ведрѣ шевелились, трепетали и подбрасывались вверхъ серебристыя рыбки, а Бабулака сладко спалъ и во снѣ подсчитывалъ выручку за этотъ уловъ, которая должна была значительно превзойти сумму, вырученную въ первый разъ...

И дѣйствительно, выручка оказалась втрое больше предыдущей. Спросъ на его товаръ былъ огромный, и его расхватили меньше, чѣмъ въ часъ. Если бы у Бабулаки было еще столько же этого добра—онъ распродалъ бы его съ меньшей быстротой. Бабулака это понялъ и сдѣлалъ себѣ еще одну корзину...

Путешествіе по водѣ сдѣлалось серьезнымъ, главнымъ занятіемъ Бабулаки. Сосѣди смѣялись, глядя, какъ онъ, съ засученными по бедра штанами, разгуливалъ въ дунайскомъ разливѣ вмѣстѣ съ аистами и пелеканами, съ торчащими на груди и спинѣ корзинами. И больше всѣхъ, казалось, смѣялись Марица и Параскива, распускавшія слухи, будто бы Бабулака ловилъ себѣ на обѣдъ лягушекъ и слизняковъ и поѣдалъ ихъ въ такомъ количествѣ, что аисты и пелеканы скоро должны будутъ все передохнуть съ голоду.

VI.

Дѣла Бабулаки шли великолѣпно. Каждое утро онъ приносилъ на базаръ двѣ корзины, доверху наполненныя рыбой, и возвращался домой съ выручкой, доходившей до четырехъ рублей. За двѣ недѣли онъ собралъ сорокъ съ лишнимъ рублей и уже начиналъ подумывать о другомъ, болѣе крупномъ, торговомъ предпріятіи. Къ этому вынуждало его, кромѣ жадности къ деньгамъ, еще и то, что бѣдность, раскупавшая у него рыбу, узнала, откуда онъ добывалъ ее, и сообщила, что эта рыба достанется ей болѣе, чѣмъ дешево, т. е. совсѣмъ даромъ, если она сама займется

ее ловлей. И она усердно принялась за этотъ промыселъ, доставлявшій ей рыбу не только для пищи, но и для торговли, благодаря чему цѣна на этотъ товаръ сильно понизилась, а покупателей убавилось больше, чѣмъ на половину. Кромѣ этого, весенняя вода въ солончаковой степи понемногу убывала и мелѣла, и рыба стала уходить въ Дунай, покидая на этотъ разъ эти привольныя водныя пространства раньше, чѣмъ обыкновенно, такъ какъ хлынувшіе сюда въ огромномъ количествѣ новые рыболовы со своими чадами и домочадцами огласили тихую воду и воздухъ криками, бранью и пѣнями, которыми не только рыбу обратили въ бѣгство, но разогнали и всѣхъ аистовъ и пелекановъ, не рѣшавшихся теперь показываться здѣсь и перенесшихъ свою охоту въ дунайскія плавни. Возникшая конкуренція сдѣлала то, что рыбы стало ловиться все меньше и меньше, а продажа ее шла все ту же, и Бабулака приносилъ домой остатки, позволявшіе ему такую роскошь въ обѣдѣ, какъ уха или жареная на постномъ маслѣ рыба. Оставалось отъ продажи гораздо больше, чѣмъ онъ могъ съѣсть, и онъ, купивъ три боченка изъ-подъ вина, складывалъ туда и пересыпалъ солью излишки рыбы. Къ тому времени, когда вода окончательно ушла изъ солончаковой степи, и бѣдность снова осталась безъ пищи, боченки у Бабулаки оказались полными вкусной свѣже-просоленной рыбкой. Онъ вынесъ ихъ на базаръ и, уже находясь внѣ конкуренціи, распродалъ свой запасъ быстро и по хорошей цѣнѣ, выручивъ за него двадцать рублей чистѣйшимъ серебромъ.

Такимъ образомъ у Бабулаки составилъ капиталъ въ шестьдесятъ рублей съ лишнимъ, который необходимо было пустить въ оборотъ для роста...

Рыбное дѣло пришлось Бабулакѣ по вкусу, и онъ рѣшилъ дѣйствовать дальше въ томъ же направленіи. Нѣсколько дней подрядъ онъ ходилъ къ Дунаю, на пристань, въ тотъ часъ, когда возвращаются рыбаки съ ловли и продаютъ тутъ же, съ лодокъ, свой уловъ мелкимъ базарнымъ торговцамъ. Это происходитъ обыкновенно вечеромъ, на закатѣ солнца. Хитрые торговцы, желая сбавить цѣны на рыбу, стараются всегда немного запоздать, чтобы сбить спесь съ рыбаковъ и заставить ихъ отдавать товаръ за ту цѣну, какую имъ предложить. При этомъ торговцы прикидываются малоинтересованными этимъ дѣломъ и, торгуясь, дѣлаютъ видъ, что готовы уйти каждую минуту, оставивъ въ лодкахъ рыбаковъ всю ихъ добычу. Обезкураженные рыбаки, негодуя и ругаясь, сбавляютъ цѣну, иногда отдаютъ совсѣмъ за безцѣнокъ, лишь бы только сбыть съ рукъ свой, непрочный по лѣтнему времени, товаръ и поскорѣй отправиться къ Фишкѣ Бородатому, торговавшему мѣстнымъ бессарабскимъ виномъ распивочно и на выносъ... Взвѣсивъ все эти обстоятельства, Бабулака понялъ, что рыбаки не могутъ быть довольны торговцами, и, узнавъ болѣе или менѣе постоянныя цѣны на всякую рыбу, какія предлагали торговцы рыбакамъ, онъ составилъ себѣ опредѣленный планъ дѣйствій, который и выполнилъ такъ блестяще, что торговцы позеленѣли отъ злости.

Однажды, спозаранку забравшись на пристань, Бабулака дождался прихода рыбацкихъ лодокъ и въ отсутствіе торговцевъ, по обыкновенію, нарочно запоздавшихъ, вступилъ съ рыбаками въ сдѣлку, набавивъ по копейкѣ на фунтъ сверхъ обычной цѣны и закупивъ у нихъ всю рыбу. Когда явились торговцы и, ничего не подозрѣвая, стали какъ бы нехотя прицѣниваться къ рыбѣ, рыбаки, поиздѣвавшись надъ ними, указали имъ на стоявшаго въ сторонѣ маленькаго человѣчка съ повязанной платкомъ головой, какъ на владѣльца всего ихъ улова.

— У Бабулаки покупайте!..—сказали рыбаки.—Его рыба!..

Изумленные торговцы въ первую минуту не нашли даже что сказать. Кто такой Бабулака? Откуда онъ взялся? Какъ онъ смѣлъ закупить весь уловъ?...

Стоя въ сторонку, они долго толковали между собой и совѣщались и наконецъ рѣшили, прежде чѣмъ уйти, спросить у Бабулаки, по какимъ цѣнамъ онъ намѣренъ продать имъ рыбу. Бабулака къ своей цѣнѣ накинулъ еще половину и заявилъ, что не уступитъ ни копейки,—они могутъ вовсе не покупать у него рыбу, онъ отъ этого ничего не потеряетъ. Спрошенная имъ цѣна превышала даже базарную цѣну, и возмущенные торговцы, осыпая Бабулаку проклятіями и ругательствами, покинули пристань. Рыбаки смѣялись, потѣшаясь надъ ними и съ любопытствомъ ожи-

дая конца этой исторіи. Получивъ отъ Бабулаки деньги и имѣя въ виду еще угощеніе, которое онъ обѣщалъ имъ, они спокойно сидѣли въ своихъ лодкахъ, нагруженныхъ живой, трепещущей рыбой, и лопались отъ смѣха, хватаясь за бока, полные восторга отъ счастливой выдумки Бабулаки. Вотъ когда наконецъ они отметили хитрымъ и жаднымъ торговцамъ! Ну-ка, пускай они теперь поторгуются съ Бабулакой!..

Торговцы, конечно, только сдѣлали видъ, что уходятъ, а на самомъ дѣлѣ спрятались за крѣпостнымъ валомъ и тамъ снова принялись совѣщаться и толковать между собой. Имъ не было никакого расчета оставлять всю рыбу въ рукахъ Бабулаки, не говоря уже о томъ, что они попали въ смѣшное положеніе, давъ одурочить себя какому-то проходимцу. Если не разобрать у него улова, онъ явится завтра на базарѣ единственнымъ торговцемъ рыбы и продастъ ее за тройную цѣну. Этого никакъ нельзя было допустить. „Лучше на этотъ разъ потерпѣть убытокъ, чѣмъ дать восторжествовать этому прощальцу!“—говорили торговцы. Они купятъ у него рыбу, но спустятъ ее завтра на базарѣ за половину обыкновенной цѣны и собьютъ цѣны на рыбу такъ, что у Бабулаки пропадетъ охота заниматься этимъ дѣломъ. А потомъ, отдѣлавшись такимъ образомъ отъ него, можно будетъ цѣны исподволь поднять снова...

Придя къ такому рѣшенію, они вернулись на пристань и послѣ ожесточеннаго торга, не приведшаго ни къ чему, потому что Бабулака, какъ камень, стоялъ на своей цѣнѣ, раскупили у него рыбу, шипя и грозя ему кулаками.

Освободивъ отъ рыбнаго груза лодки, рыбаки всей толпой, подъ предводительствомъ Бабулаки, отправились къ Фишкѣ Бородатому праздновать свою побѣду. Бабулака не жалѣлъ денегъ на угощеніе рыбакамъ и то и дѣло подзывалъ дочку Фишки, молодую, бѣловолосую дѣвушку, безъ кровинки въ лицѣ, походившую на бѣлые ростки проросшаго въ погребѣ картофеля, и требовалъ вина еще и еще. Рыбаки шумно пили и долго еще продолжали говорить и смѣяться по поводу разыгравшейся на пристани исторіи съ торговцами. Самъ же Бабулака ничего не пилъ и все бѣгалъ за стойку къ Фишкѣ Бородатому, прозванному такъ за его бѣлую, длиннѣйшую, до пояса, бороду. Тамъ онъ подъ шумокъ договаривалъ Фишкѣ условіе, по которому рыбаки обязывались продавать въ теченіе цѣлаго года весь свой уловъ только одному Бабулакѣ по установленнымъ съ обоюднаго согласія цѣнамъ. Диктуя условіе, Бабулака умильно поглядывалъ на блѣдное лицо Фишкиной дочки и говорилъ Фишкѣ тѣ же слова, что и Марицѣ, когда увидѣлъ ее Параскиву:

— Красивая у тебя дѣвушка... Дай Богъ счастья...

Когда условіе было готово, онъ изъ благодарности къ нему за эту услугу, желая сдѣлать ему пріятное, сказалъ, подмигнувъ:

— Жаль, что жидовка, а то взялъ бы женой...

Высокій, блѣдный Фишка посмотрѣлъ на него сверху, презрительно усмѣхнулся и, гордо погладивъ свою бѣлую бороду тонкой и тоже бѣлой, какъ бумага, рукой, спокойно сказалъ:

— Еще нужно спросить: отдашь бы я?..

У Бабулаки карманы были набиты деньгами, полученными отъ торговцевъ, и онъ полагалъ, что каждая дѣвушка должна была считать за великое счастье выйти за него замужъ. Но слова Фишки его нисколько не обидѣли, потому что его дочка хотя и была красива, но не настолько, чтобы онъ хотѣлъ сдѣлать ее своей женой. Его сердце было занято Параскивой, о которой онъ мечталъ и къ которой питалъ злобу за ее пренебреженіе къ нему.

Предложеніе Бабулаки и условіе, прочитанное тутъ же вслухъ Фишкой, были встрѣчены подвыпившими рыбаками восторженными криками, смѣхомъ, похвалами Бабулакѣ и бранью по адресу торговцевъ. Помимо всѣхъ выгодъ, представлявшихся для нихъ въ этомъ условіи и заключающихся въ хорошей цѣнѣ, которую имъ давалъ Бабулака, и въ удобствѣ имѣть дѣло съ однимъ человекомъ вмѣсто двухъ десятковъ—ихъ приводила въ неистовое восхищеніе возможность натянуть предлинный носъ торговцамъ, отъ которыхъ они столько натерпѣлись издѣвательствъ и грабежа. Мысль объ этой возможности доставляла имъ такую радость, что если бы Бабулака выставилъ вдвое меньше предложенной имъ цѣны—они согласились бы тотчасъ же, ни минуты не колеблясь. Но Бабулака вель дѣло начистоту и не хотѣлъ злоупотреблять ихъ чувствами, чтобы потомъ не было съ ихъ стороны никакихъ на-

реканій и недовольства, которыми могли бы воспользоваться торговцы для уничтоженія этой сдѣлки. Самъ Фишка Бородатый, понявъ расчеты Бабулаки, одобрительно хлопнулъ его по плечу и сказалъ:

— Вы очень умный человекъ, господинъ Бабулака. У васъ еврейская голова... — и, тоже желая сказать ему пріятное, прибавилъ:—Если бы вы были жидомъ—я, пожалуй, отдашь бы за васъ мою Ханну...

Рыбаки съ удовольствіемъ подписали условіе, на которомъ расписался и Фишка въ качествѣ свидѣтеля состоявшейся сдѣлки. Послѣ этого они заставили Бабулаку выпить три стакана вина и расцѣловались съ нимъ всѣ по очереди. Съ этимъ документомъ за пазухой и съ набитыми деньгами карманами, едва выдерживавшими тяжесть мѣдяковъ и серебра, Бабулака вернулся ночью къ своей избѣ, немного опьянѣвшій, довольный и веселый, и, прежде чѣмъ отпереть замокъ на двери, поднялъ глаза къ аисту, дремавшему надъ сидящей на яйцахъ аистихой, и, снявъ шапку, низко поклонился имъ за то, что они поселились на его крышѣ.

VII.

Все шло, какъ по писанному. Торговцы, узнавъ на другой день объ условіи, заключенномъ Бабулакой съ рыбаками, пришли въ неописуемую ярость. Увидѣвъ его на базарѣ, они окружили его, требуя, чтобы онъ разорвалъ условіе и былъ такимъ же торговцемъ, какъ они, т.-е. вмѣстѣ съ ними покупалъ у рыбаковъ часть рыбы для продажи на базарѣ и такъ же, какъ и они, прижималъ и грабилъ рыбаковъ. Когда Бабулака отказался отъ того и другого, они стали грозить, что убьютъ его и сожгутъ его избу, и ругали его съ пѣной у рта. Бабулака насилу ушелъ отъ нихъ...

Но послѣ базара, спустивъ, какъ они и рѣшили вчера, рыбу за безцѣнокъ, чтобы испортить цѣны, они пришли всѣ сразу къ избѣ Бабулаки и стали уже просить его уничтожить условіе и отказаться отъ сдѣлки съ рыбаками, предлагая ему двадцать пять рублей отступного. Упорство Бабулаки, съ которымъ онъ твердо стоялъ на своемъ, приводило ихъ въ бѣшенство и заставляло поднять сумму отступного до ста рублей. Но Бабулака оставался непоколебимъ и твердилъ свое:

— Не надо вашихъ денегъ. У меня будутъ свои деньги. Бабулака знаетъ, что дѣлаетъ... Покупайте рыбу у меня. А не хотите—Бабулака самъ будетъ продавать...

Торговцы выходили изъ себя отъ ярости, но, надѣясь какъ-нибудь уломать его, стали умолять не губить ихъ и пожалѣть ихъ женъ и дѣтей и даже становились передъ нимъ на колѣни и кланялись въ землю. Но ничего не помогало. Бабулаку ничѣмъ нельзя было сломить, и они, плюнувъ и вволю изругавъ его, ушли, грозясь раздѣлаться съ нимъ по-своему...

Однако на слѣдующій вечеръ они пришли на рыбацкую пристань и, продолжая ругаться и грозиться, раскупили у Бабулаки всю рыбу по назначенной имъ цѣнѣ. И такъ ужъ и пошло дальше. Бабулака богатѣлъ, ничего не дѣлая и только три раза въ недѣлю отвѣшивая на пристани торговцамъ рыбу, кладя при этомъ въ карманъ ровно вдвое больше того, что онъ самъ платилъ за нее. А придя домой, складывалъ деньги въ кованный сундучокъ, скрытый въ стѣнѣ избы такъ, что его нельзя было замѣтить. Рыбаки были довольны, потому что теперь получали за рыбу больше, чѣмъ прежде, и никто надъ ними не издѣвался. Торговцы, поплатившись вначалѣ за то, что сами сбили цѣны, понемногу подняли ихъ такъ, что покупатели схватились за головы. Такимъ образомъ одни обыватели оставались въ накладѣ и никакъ не могли понять, что именно способствовало повышенію цѣнъ на рыбу. Если бы имъ кто-нибудь сказалъ, что причиной тому послужило появленіе въ городѣ этого маленькаго, сморщенного человѣчка, повязаннаго по-бабьи платкомъ, зовущаго себя Бабулакой,—они ни за что не повѣрили бы этому...

VIII.

Внутренность избы Бабулаки приняла болѣе благообразный видъ, сохранивъ только прежній запахъ: гнили, чернаго хлѣба и нечистаго человѣка. Въ ней появилась мебель—столъ, лавки, кровать на козлахъ, образа, картинки на стѣнахъ. Бабулака сохранилъ избу въ чистотѣ, мазалъ земляной полъ глиной, бѣлил стѣны и печь мѣломъ, и его обѣ комнаты всегда имѣли такой видъ, словно въ домѣ была женщина, хорошая, трудолюбивая хозяйка. Повидимому, онъ только по ошибкѣ родился мужчиной,

Ф. Нейманъ. Захватъ кареты Наполеона послѣ битвы при Ватерлоо.

ему слѣдовало бы быть женщиной. Стирать, шить, убирать, стряпать, словомъ—всѣ женскія работы Бабулакѣ были особенно по душѣ, и если ему никуда не нужно было идти—онъ непременно или возился у печки, или сидѣлъ на порогѣ, зашивая дыры на своихъ штанахъ и курткѣ, или стиралъ за своимъ дворомъ, присѣвъ на корточки у самой воды.

И лицомъ онъ больше былъ похожъ на женщину, чѣмъ на мужчину, въ особенности, когда повязывалъ голову платкомъ, закрывъ имъ лобъ и затянувъ концы въ узелъ подъ затылкомъ. Его подбородокъ, щеки и верхнюю губу покрывала не то сѣрая, не то сѣдоватая короткая щетина, которая почему-то не росла, хотя Бабулака никогда не стригся и не брился. Когда онъ сидѣлъ на базарѣ среди женщинъ, его трудно было отличить отъ нихъ; еще труднѣе было опредѣлить его лѣта: по живости движеній ему можно было дать лѣтъ тридцать, по слезящимся глазамъ и крупнымъ морщинамъ на лбу и около рта—сорокъ, а по сутуловатости и рѣдкимъ, гнилымъ зубамъ—и всѣ пятьдесятъ. Но то, что онъ былъ безобразенъ, какъ всѣ семь смертныхъ грѣховъ, грязенъ, какъ свинья, выросшая въ болотѣ, и золь, какъ собака, просидѣвшая на привязи десять лѣтъ,—не подлежало никакому сомнѣнью. И немудрено, что Марица пренебрегала его сосѣдствомъ, а Параскива не могла смотрѣть на него безъ презрѣнія и отвращенія, явно выражавшихся въ ея черныхъ глазахъ и брезгливо кривившихся губахъ. Правда, когда по улицѣ разнеслась вѣсть о томъ, что Бабулака наживаетъ большія деньги на перепродажѣ рыбы, вмѣстѣ съ другими сосѣдями и Марица стала къ нему относиться съ нѣкоторымъ уваженіемъ и, проходя мимо его избы, когда онъ сидѣлъ у дверей, первая кланялась ему. Но она не могла не улыбнуться при этомъ его смѣшной фигурѣ, не выразить глазами смѣха и удивленія его безобразію. И это бѣсило Бабулаку. Отвѣтивъ ей на поклонъ, онъ тотчасъ же за ея спиной плевалъ ей вслѣдъ съ выраженіемъ крайней злобы и обиды и убирался съ порога въ избу, не желая больше видѣть даже улицу, по которой она только-что прошла.

На Параскиву же обогащеніе Бабулаки не производило никакого впечатлѣнія, и если, встрѣтившись съ нимъ, она отворачивала отъ него свое красивое лицо, то онъ чувствовалъ ея презрѣніе и отвращеніе къ нему въ ея нагло покачивавшихся бедрахъ, въ твердой, самоувѣренной походкѣ, во всей, гордо откинутой назадъ, фигурѣ красивой и знающей себѣ цѣну дѣвушки. Въ то время, какъ улыбка Марицы вызывала въ немъ только злость, презрѣніе и отвращеніе Параскивы поднимали въ немъ такую бурю любовной ненависти, что онъ весь начиналъ дрожать и, посылая ей вслѣдъ ругательства, не могъ оторвать отъ нея глазъ. И какъ дѣтямъ, стремящимся поломать или разбить желанную и запрещенную для нихъ вещь, такъ и ему хотѣлось побить, искалѣчить, обезобразить Параскиву, чтобы она, не доставившись ему, по крайней мѣрѣ не мучила его больше ненавистью и желаніемъ...

Конечно, у Бабулаки на первомъ планѣ были дѣла, дававшія ему деньги, которыя онъ считалъ самой серьезной и главной цѣлью человѣческихъ стремленій. И если бы ему предложили на выборъ—деньги или Параскиву, онъ взялъ бы, не колеблясь, деньги, вздохнувъ только, что нельзя взять и то и другое. И никогда не усомнился бы въ томъ, что поступилъ правильно, хотя и не переставалъ бы желать этой дѣвушки. Деньги, по его мнѣнію,—настоящая, дѣйствительная цѣнность, при помощи которой можно получить все, что захочешь; а Параскива—только женщина, правда, очень красивая, но все же ничего не стдящая: на нее ничего не купишь. Но освобождаясь отъ дѣлъ, приносящихъ деньги, онъ возвращался сознаниемъ къ дѣвушкѣ, стоявшей во второй графѣ его главныхъ желаній и стремленій. Тамъ, гдѣ кончались деньги,—начиналась Параскива; то и другое никогда не наполняло его одновременно, не мѣшало другъ другу и не измѣняло порядка, въ которомъ онъ поставилъ ихъ: первое—деньги, второе—Параскива. Ради денегъ онъ могъ забыть о Параскивѣ, но ради Параскивы не могъ забыть о деньгахъ...

Даже тогда, когда, торопясь на пристань, къ приходу рыбацкихъ лодокъ, онъ увидѣлъ на крѣпостномъ валу Параскиву съ молодымъ цыганомъ, обнимавшимъ ее, которая только смѣялась,

но нисколько не протестовала противъ такихъ вольностей,—Бабулака равнодушно прошелъ мимо, весь полный желанія денегъ, мѣдныхъ, серебряныхъ и бумажныхъ, которыми должны были, какъ и всегда, въ этотъ вечеръ наполниться его карманы. И только вернувшись домой, послѣ того, какъ онъ пересчиталъ и заперъ въ сундучокъ деньги, онъ вспомнилъ о Параскивѣ и цыганѣ и выругался отъ ревности и бессильной злости. Цыганъ—нищій, бродячій скрипачъ, играющій на жидовскихъ свадьбахъ—смѣетъ обнимать Параскиву!..

Бабулака выскочилъ изъ избы и побѣжалъ къ пивовой оградѣ своего двора, за которой разстилалась бѣлесоватая солончаковая степь, уже освободившаяся отъ воды, высохшая и потрескавшаяся отъ горячаго лѣтняго солнца. Тамъ, далеко въ густѣющихъ сумеркахъ вечера, горѣли въ рядъ костры кочующихъ цыганъ, и такъ какъ издали не было видно шатровъ, телѣгъ и людей, то казалось, что эти огни—дѣло не человѣческихъ рукъ, что ихъ желто-красные языки вырываются изъ-подъ земли, изъ самой преисподней, черезъ трещины безжизненной и безмолвной солончаковой степи. Огни то слабѣли и затухали, то вспыхивали, ширились и поднимались, словно двигались, уходили вдаль и потомъ возвращались, въ злой радости танцуя и кому-то хитро подмигивая. Бабулака поднялъ кулаки и погрозилъ ими въ степь невидимымъ за кострами шатрамъ и людямъ, невѣдомо откуда приходившимъ сюда каждую весну и уходившимъ осенью невѣдомо куда и за чѣмъ. Бродяги, у которыхъ нѣтъ своего дома, воры, конокрады, бездѣльники,—чего добраго могъ ожидать отъ нихъ Бабулака? Они еще, пожалуй, заберутся въ его избу и унесутъ сундучокъ съ деньгами, а потомъ—ищи вѣтра въ полѣ!..

Бабулака вернулся въ избу, обезпокоенный, сильно встревоженный за свои деньги. Онъ уже не думалъ о Параскивѣ и старался только не спать, прислушиваясь, не лѣзетъ ли кто-нибудь въ окно или въ дверь. Нѣсколько разъ ночью онъ вставалъ, обходилъ избу кругомъ и смотрѣлъ въ солончаковую степь, гдѣ уже не было видно костровъ, гдѣ была густая, черная тьма, надъ которой серебристо, безмолвно роились звѣзды...

И не одинъ Бабулака плохо спалъ эту ночь. Обычное появленіе въ степи, въ виду города, цыганъ сильно беспокоило обывателей, и многіе изъ нихъ смотрѣли на ихъ далекіе, таинственные костры съ жуткимъ страхомъ за свое добро и даже за свою жизнь. Ни одно лѣто не проходило безъ многочисленныхъ мелкихъ и крупныхъ кражъ, нѣсколькихъ поджоговъ и двухъ-трехъ убійствъ; большая часть этихъ преступленій оставалась нераскрытой; то, что открывалось—оказывалось совершеннымъ мѣстными жителями, чему однако никто не вѣрилъ. Цыгане были налицо, и на цыганъ валили все, что бы ни случилось въ городѣ...

Цыгане—таинственные люди, и осѣдлому обывателю трудно понять ихъ жизнь, натуру, душу. Кто знаетъ, какъ они живутъ при этомъ вѣчномъ скитаніи, передвиженіи съ мѣста на мѣсто, отчего они кочуютъ, что ихъ гонитъ изъ одной степи въ другую, когда всѣ степи одинаково ровны, привольны и однообразны?.. Никто никогда не видѣлъ умирающаго цыгана, или цыганскіе похороны, или цыганское кладбище; они какъ-будто вовсе не умираютъ и живутъ сотни, тысячи лѣтъ, блуждая по землѣ, неожиданно появляясь то здѣсь, то тамъ и такъ же внезапно исчезая, словно проваливаясь сквозь землю, оставляя на мѣстѣ табора только пепелъ костровъ, въ воздухѣ—дрожаніе ихъ вольныхъ, степныхъ, то заунывныхъ, то дико радостныхъ пѣсенъ и въ жителяхъ ближайшихъ селеній и городовъ—страхъ и недоумѣніе вмѣстѣ съ радостью избавленія отъ какой-то опасности. Эти древніе, смуглые люди, кочевавшіе еще во времена фараоновъ, впитавшіе своимъ выносливымъ тѣломъ солнце всѣхъ вѣковъ и странъ,—идутъ мимо всего, презирая человѣческую культуру и охраняя какую-то свою, никому неизвѣстную и непонятную... А можетъ-быть, ихъ культура и состоитъ въ томъ, что у нихъ нѣтъ никакой культуры, что они живутъ въ непрерывномъ общеніи съ землей и небомъ, что они дики и первобытны, какъ сама природа, какъ степи, по которымъ они блуждаютъ изъ вѣка въ вѣкъ, какъ вѣтеръ, съ которымъ они поютъ свои пѣсни...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Иванова ночь.

Ты днемъ съ подругами нарядными
Цвѣты собирала у рѣки, —
И далеко волнами жадными
Умчало пестрые вѣнки.
Когда же съ пѣньемъ отъ завалинки
Толпа подружекъ разошлась, —
Одна, въ своей дѣвичьей спаленкѣ,
Чудесной ночи дождалась.
Ушла ты въ дебри заповѣдныя,
Тропинкой шла къ рѣкѣ лѣсной,
Гдѣ въ камышахъ кувшинки блѣдныя,
Склонившись, дремлютъ надъ волной.
Въ ночь оживали чаши темныя,
Сверкали въ травахъ свѣтляки,
Металась нѣжить неумная,
Русалки пѣли у рѣки.

Тебя пугали совы сонныя,
Крылами сорванный листокъ,
Но ты, мечтою опьяненная,
Искала огненный цвѣтокъ.
Склонялась въ страхѣ ты надъ травами,
И молчалива и блѣдна, —
И вдругъ русалками лукавыми
Была въ лѣсу окружена.
Тебя русалки пляской тѣшили,
Къ рѣкѣ со смѣхомъ увлекли,
Рѣчными травами обвѣшали
И въ косы лиліи вплели.
Ихъ тихой пѣсней усыпленная,
Лежишь ты на сыромъ пескѣ
И, въ ночь волшебную влюбленная,
Не вспоминаешь о цвѣткѣ.

Н. А. Карповъ.

Н. В. Успенскій.

Очеркъ П. В. Быкова.

Тяготѣніе къ народу въ нашей литературѣ довольно примѣтно стало обозначаться еще въ сороковыхъ годахъ. Изученіемъ народнаго быта, описаніемъ крестьянскаго міра съ его своеобразными типами и характерами занимались Даль, Тургеневъ, Григоровичъ. Со второй половины пятидесятихъ годовъ, когда у воротъ русской жизни уже стояла крестьянская реформа, явилась цѣлая плеяда повѣствователей, знакомившихъ публику съ бытомъ и нравами простолюдина, оратая родимой земли. Среди нихъ особенно выдѣлился молодой талантливый писатель Николай Успенскій, появившійся со своими очерками народнаго быта въ „Современникѣ“. „Поросенокъ“, „Хорошее житье“, „Сцены изъ сельскаго праздника“, „Грушка“, „Змѣй“, „Ночь подъ Свѣтлымъ днемъ“, „Сельская аптека“, „Бобыль“, „Обозъ“ — всѣ эти небольшіе очерки сразу обратили на себя вниманіе правдивостью, безыскусственностью, художественностью отдѣлки. Были тутъ и смѣшные рассказы, отъ которыхъ вѣяло настоящимъ русскимъ юморомъ, спокойнымъ, добродушнымъ, откровенной веселостью, безъ напряженія и усилій поддержать ее, но были и такіе, которые говорили о глубокихъ страданіяхъ простого человѣка или указывали на крайне отрицательныя стороны простонародья, его испорченность, закоснѣлость въ невѣжествѣ, дикость, до извѣстной степени озвѣрѣніе и т. д.

Николай Успенскій писалъ голую правду, изображалъ народный бытъ безъ прикрасъ и безъ всякой тенденціи. И въ то промежуточное время рассказы его имѣли большой успѣхъ, когда, по выраженію одного изъ тогдашнихъ критиковъ, „подоспѣло и понятіе о народѣ, какъ о нравственномъ лицѣ, съ которымъ слѣдуетъ обходиться просто, независимо подвергая его беспощадному обличенію и дѣйствию суровой правды — наравнѣ со всѣми другими лицами и предметами общественнаго и государственнаго значенія. Иллюзии, которыя окружали народъ, еще не вышедшій на свободу, становились, по мнѣнію общества, не нужны теперь, когда онъ уже находится на рубежѣ“. Популярность Успенскаго быстро возросла, и Н. Г. Чернышевскій по поводу изданныхъ Некрасовымъ рассказовъ молодого писателя напечаталъ одобрительный отзывъ о нихъ, поставивъ Успенскому въ заслугу его правдивое отношеніе къ народу въ противовѣсъ прежнимъ воззрѣніямъ писателей на народъ, носившимъ идеалистическій и сентиментальный характеръ. Однако критикъ противоположнаго лагеря, П. В. Анненковъ, въ разрѣзъ съ мнѣніемъ знаменитаго автора „Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности“, посмотрѣлъ на юморъ Успенскаго, на его расправу съ народомъ и обличеніе пороковъ и комическихъ сторонъ народнаго быта совсѣмъ иначе. Въ тишахъ, выводимыхъ Успенскимъ,

онъ не нашелъ глубокаго жизненнаго содержанія, въ юморѣ его увидѣлъ совершенное отсутствіе серьезнаго элемента. „Покуда, — писалъ этотъ критикъ: — формальный юморъ Успенскаго, очень

чуткій ко всѣмъ неловкимъ, пустымъ или страннымъ движеніямъ предмета, занимается классами общества или лицами безъ историческаго прошлаго, безъ преданій и почвы — гимназистами и студентами, офицерами, выродившимися купцами и мѣщанами — юморъ его на своемъ мѣстѣ и выражаетъ ихъ съ необычайной мѣткостью и полнотою. Но когда тотъ же юморъ обращается къ народу — лица, которыя онъ вырываетъ изъ цѣлой массы его, еще очень забавны, но уже ничего не поясняютъ, даже самихъ себя. Они нелѣпы — вотъ ихъ единственный смыслъ, единственное содержаніе и единственное значеніе. Глядя на нихъ, нельзя себѣ представить, чтобы изъ соединенія подобныхъ нелѣпыхъ единицъ, хотя бы въ миллионномъ числѣ, могло составить что-либо заслуживающее имя народа. Вдобавокъ за ними еще и не видно ничего у Успенскаго, который, кажется, очень расположенъ думать, что ничего другого и нѣтъ за ними“. Въ заключеніе Анненковъ полагалъ, что Успенскому „пора остановиться на этомъ пути и подумать о способахъ обновленія своего таланта, видимо, замирающаго въ одной пробитой имъ колѣѣ...“

Такой отзывъ консервативнаго критика почти совпалъ со временемъ появленія въ „Современникѣ“ и „Русскомъ Словѣ“ очерковъ двоюроднаго брата автора „Рассказовъ изъ народнаго быта“ — Глѣба Успенскаго. Публика отхлынула отъ своего недавняго любимца и перенесла свои симпатіи на автора „Нравовъ Растеряевой улицы“. Николай Успенскій, талантъ котораго вовсе не изсякъ, имѣлъ полное право огорчаться неблагодарностью публики и возмущаться отношеніемъ къ нему критики, начавшей замалчивать его произведенія, тѣмъ болѣе, что онъ сталъ несравненно вдумчивѣе и оставилъ свой безцѣльный юморъ, манеру скользить по поверхности жизни. Стѣнитъ прочесть его такія цѣльныя вещи, какъ „Сельскій портной“, „Картины юрскаго эпохи“, „Производительныя силы“, „Страницы“, „Саша“, живописующія глушь, уѣздные и деревенскіе нравы, трагедію жизни забитаго, темнаго люда, — чтобы убѣдиться, какъ много въ нихъ общаго съ обдуманными и прочувствованными произведеніями Глѣба Успенскаго. О превосходствѣ таланта послѣдняго, о его силѣ и глубинѣ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи, но въ знаніи жизни, въ полномъ и всестороннемъ знакомствѣ съ деревенскимъ, мѣщанскимъ и всякимъ мелкимъ бытомъ, съ сѣрыми героями русской дѣйствительности и въ умѣніи наблюдать Николай Успенскій не уступаетъ своему двоюродному брату. Конечно, у него нѣтъ такой ширины захвата, глубокаго проникновенія въ жизнь, какъ въ

Н. В. Успенскій.

произведеніяхъ послѣдняго, тѣмъ не менѣе ему не чужды серьезное отношеніе къ изображаемымъ лицамъ и явленіямъ и довольно точный порою, даже мастерской психологическій анализъ. Во всѣхъ его произведеніяхъ, даже мелкихъ, богатое содержаніе, и такъ или иначе чувствуются художественное чутье, стремленіе къ правдѣ и простотѣ и какая-то уравновѣшенность. Наблюденія его удивительно разнообразны, изображенія точны и картинны. Въ его разсказахъ и маленькихъ повѣстяхъ, въ такихъ, какъ „Издалика и вблизи“, „Старое по-старому“, „Егорка-пастухъ“, помѣщенныхъ въ „Вѣстникъ Европы“ семидесятыхъ годовъ, или въ цѣломъ рядѣ мелкихъ очерковъ, разбросанныхъ въ „Будильникъ“, „Искръ“ и во множествѣ еженедѣльныхъ и ежедневныхъ изданій, нѣтъ ничего придуманнаго, сочиненнаго: это—все этюды съ натуры, живые, вѣрные отголоски пережитаго, пережитаго или въ той средѣ, изъ которой онъ вышелъ, или изъ его скитаній по Россіи, гдѣ онъ странствовалъ съ котомкой за плечами или недолгое время сидѣлъ на мѣстѣ въ качествѣ педагога. У него неисчерпаемый запасъ самыхъ многоцвѣтныхъ впечатлѣній, которыя онъ нерѣдко мастерски умѣетъ передавать въ тѣхъ самыхъ краскахъ и тонахъ, въ какихъ они зарисовались въ его счастливой, удивительной памяти. Почти до самой трагической смерти писателя его перомъ водила твердая, опытная рука, хотя и дрожавшая отъ непобѣдимого пьянства, которымъ талантливый писатель пытался заглушить щемлящую тоску своей одинокой, скорбной, почти нищенской жизни. Онъ былъ сыномъ священника Тульской губерніи Ефремовскаго уѣзда Василія Яковлевича Успенскаго и родился въ маѣ 1837 года въ селѣ Шиповѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ Тульской духовной семинаріи, гдѣ учился плохо и вѣчно былъ на замѣчаніи у своего начальства; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обнаруживалъ недюжинный умъ и даровитость. Изъ высшаго отдѣленія семинаріи Николай Васильевичъ Успенскій по прошенію былъ уволенъ въ С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію, куда на свой счетъ отправилъ его родной дядя Иванъ Яковлевичъ, братъ его отца. Въ Академіи Н. В. Успенскій про-

былъ не долго и перешелъ въ Петербургскій университетъ. Но и здѣсь не окончилъ образованія и лишь выдержалъ экзаменъ на званіе учителя русскаго языка уѣзднаго училища. Съ этого времени онъ выступилъ на педагогическое поприще: учительствовалъ въ Черскомъ и Болховскомъ уѣздныхъ училищахъ, въ дѣтскомъ приютѣ принца Ольденбургскаго, въ Оренбургской Неплюевской и первой Московской военной гимназій, короткое время преподавалъ въ Яснополянской школѣ гр. Льва Толстого. Въ 1874 году онъ вышелъ въ отставку и повелъ жизнь пролетарія въ полномъ и самомъ безотрадномъ смыслѣ этого слова, питаясь на грошевый заработокъ отъ литературы, а то и просто подаеніемъ, часто не имѣя ночлега и ночуя на улицѣ. Въ питейныхъ домахъ, трактирахъ, а то и на вольномъ воздухѣ потѣшалъ онъ публику разсказами, пѣнями, пляской, показываніемъ чучела крокодила, игрою на гармоникѣ; ему постоянно сопутствовала и его малолѣтняя дочь, которую онъ тоже заставлялъ плясать. Онъ былъ счастливъ, если зарабатывалъ при этомъ какой-нибудь рубль. Какъ говорятъ, родные отняли у него дѣвочку, которую онъ горячо любилъ, и это повліяло на трагическій конецъ писателя. Онъ зарѣзлся, и трупъ его былъ найденъ гдѣ-то въ Хамовнической части въ Москвѣ, гдѣ онъ жилъ послѣдніе годы. Онъ умеръ 21 октября 1889 года и погребенъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Его талантливыя произведенія достаточно знакомы читателямъ „Нивы“, гдѣ съ 1876 по 1885 г. напечатано около двѣнадцати разсказовъ злополучнаго писателя. Помѣщаемый новый посмертный разсказъ Н. В. Успенскаго написанъ за два года до его смерти. Несмотря на измѣнившіяся условія жизни нашей родины, онъ ничуть не устарѣлъ и написанъ съ тѣмъ знаніемъ жизни, съ тою простотой, непритязательностью и глубокой привидностью, которыя всегда были присущи таланту писателя, совершенно несправедливо забытаго. Семьдесятъ пять лѣтъ со дня его рожденія даютъ намъ поводъ напомнить объ этомъ симпатичномъ талантѣ, о необычайно плодовитомъ писателѣ, который навсегда останется жить въ исторіи родной литературы.

Сельская школа.

Посмертная повѣсть Н. В. Успенскаго.

Въ одинъ изъ дождливыхъ весеннихъ дней отставной чиновникъ Ефимъ Ивановичъ Турмановъ былъ особенно мрачно настроенъ. Анализируя свое прошлое, онъ приходилъ къ несомнѣнному выводу, что въ самомъ непродолжительномъ времени бурныя волны столичной жизни выбросятъ его со всей семьей на какую-нибудь отдаленную провинціальную отмель, гдѣ онъ долженъ будетъ вновь начинать служебную карьеру съ должности писца. Въ своемъ безвыходномъ положеніи Турмановъ припомнилъ русскую пословицу: „столица кого полюбитъ, тому шубу сошьетъ, а кого возненавидитъ, съ того и послѣднюю сниметъ“. Въ самомъ дѣлѣ, далеко не привѣтливо относился къ Ефиму Ивановичу суровый Петербургъ: несчастный чиновникъ жилъ съ своей больной женой и двумя малолѣтними дѣтьми въ холодномъ флигелѣ на Выборгской сторонѣ, по цѣлымъ днямъ голодалъ, рыскалъ по городу, чтобы перехватить у своихъ знакомыхъ денегъ, составлялъ слезныя просьбы разнымъ сановникамъ, безропотно выносилъ грубое обращеніе квартирной хозяйки и поминутные упреки своей жены, состояніе которой имъ было растрчено до послѣдней копейки и совершенно непроизводительно.

Изнемогая въ борьбѣ съ нуждою, Турмановъ сознавалъ однако, что онъ претерпѣваетъ должное возмездіе за тѣ непростительныя промахи, которыми ознаменовалась его жизнь въ Петербургѣ. Лѣтъ шесть тому назадъ, вскорѣ по пріѣздѣ изъ провинціи въ столицу, Ефимъ Ивановичъ пріискалъ себѣ мѣсто на желѣзной дорогѣ съ приличнымъ окладомъ жалованья; спустя полгода онъ женился на дѣвушкѣ съ небольшимъ состояніемъ и нѣкоторыми связями, благодаря которымъ началъ успѣшно подниматься по ступенямъ бюрократической лѣстницы. Но вдругъ онъ вообразилъ, что его призваніе отноудъ не канцелярія, а сценическое искусство, такъ какъ, по увѣренію его знакомыхъ, онъ обладалъ „колоссальнымъ теноромъ“ съ „обширнымъ діапазономъ“. Турмановъ бросилъ службу и принялся за тщательную разработку своего таланта подъ руководствомъ опытныхъ учителей. Но когда съ достаточною ясностью обнаружилось, что его дѣйствительно могучій голосъ при абсолютномъ отсутствіи слуха можетъ лишь терроризировать и приводить слушателей въ тетаническое состояніе, онъ, какъ широкая русская натура, впалъ въ глубокое уныніе и съ горя началъ пить, съ быстротою аэролита падая все ниже и ниже; вслѣдствіе чего всѣ двери его знакомыхъ были для него закрыты, не исключая и бывшихъ поклонниковъ его „вокальныхъ средствъ“, въ послѣднее время окрестившихъ свой кумиръ эпитетами „бездарности“ и „неудачника“; нѣкоторые изъ нихъ при встрѣчѣ съ Турмановымъ съ явной ироніей спрашивали его: „Ну, что вашъ тенорокъ? Все еще не поддается обработкѣ? Жаль! Изъ васъ со временемъ могъ бы выйти второй Никольскій“; другіе какъ-будто совсѣмъ не узнавали его, а третьи брезгливо отвергивались; даже тестъ Ефима Ивановича, вліятельный департаментскій чиновникъ, разъ навсегда отказалъ ему отъ своего дома. И такъ, ни на іоту не оставалось сомнѣнія, что надо было уѣзжать изъ Петербурга... но куда?... Послѣ долгаго и упорнаго размышленія Ефимъ Ивановичъ рѣшился прибѣгнуть къ одному средству,

хотя оно въ его собственныхъ глазахъ представлялось слабой соломинкой, за которую хватается утопающій. Онъ написалъ трогательное письмо своей матери, преклонныхъ лѣтъ старушкѣ, жившей въ уѣздномъ городѣ В., умоляя ее выслать ему денегъ, чтобы имѣть возможность перебраться съ семействомъ на родину, куда онъ, вслѣдствіе разныхъ невзгодъ, долженъ перенести свою служебную дѣятельность; въ противномъ случаѣ (заканчивалось письмо) онъ „рѣшится наложить на себя руки“.

Отправивъ письмо, Турмановъ почти былъ увѣренъ, что мать не въ силахъ будетъ исполнить его просьбу, такъ какъ, будучи вдовою, она сама едва сводила концы съ концами, пробавляясь ничтожной пенсіей. Онъ даже предугадывалъ содержаніе письма матери, которая съ первыхъ же строкъ начнетъ осыпать его упреками.

„Но, ради Бога, выслушайте меня, — мысленно оправдывался Турмановъ, шагая изъ угла въ уголъ по скрипучему полу своей квартиры, межъ тѣмъ какъ въ трубѣ на всѣ лады завывалъ вѣтеръ, а въ окна хлесталъ холодный весенній дождь:— со всякимъ человѣкомъ можетъ случиться несчастье, другими словами, такое стеченіе обстоятельствъ, что хоть въ петлю полѣзай... Правда, я одну непростительную глупость сдѣлалъ, что рано женился... но вѣдь поймите, всякій былъ молодецъ и увлекался... Вы говорите, что денегъ нѣтъ; но неужели нельзя у кого-нибудь занять хоть подъ вашу пенсіонную книжку?... Наконецъ у васъ есть садикъ, огородецъ... сдайте все это въ аренду... Вы понимаете, я окончательно погибаю... да не одинъ, а съ цѣлой семьей!.. Вы взгляните на мою несчастную жену, она блѣдна, какъ смерть... доктора настоятельно требуютъ, чтобы она перемѣнила климатъ... къ тому же теперь весна въ началѣ — самое ужасное время... Въ Петербургѣ такая смертность, что на улицахъ проходу нѣтъ отъ гробовъ... куда ни пойдешь, непременно наткнешься на похоронную процессію...“

И чѣмъ больше Турмановъ думалъ о полученіи отъ своей матери отрицательнаго отвѣта, тѣмъ сильнѣе возникало въ немъ желаніе поскорѣй выбраться изъ столицы и очутиться въ родномъ городѣ.

Однажды онъ сидѣлъ у окна, бесѣдуя со своей женой о необходимости перемѣны климата, какъ вдругъ во дворѣ хлопнула калитка, и въ ней показался почтальонъ. Турмановъ поблѣднѣлъ.

— Наконецъ-то! — упавшимъ голосомъ произнесъ онъ, уныло взглянувъ на жену, какъ бы умоляя ее о пощадѣ въ случаѣ неблагоприятнаго исхода дѣла.

Смѣлой и торопливой походкой почтальонъ вошелъ въ переднюю флигеля и, запуская руку въ сумку, громко объявилъ:

— Господинъ Турмановъ!

— Къ вашимъ услугамъ.

— Вамъ повѣстка...

— А-а-а!.. Ну, вотъ... я ожидалъ... ну-ка?... — распечатывая повѣстку, сказалъ онъ и, взглянувъ за цифру, обратился къ почтальону:—Извините... въ настоящее время у меня денегъ нѣтъ... завтра получу...

— Все равно! — съ достоинством проговорил почтальонъ и скрылся за дверью.

— Ура, ура! — воскликнул Турмановъ, вбѣгая въ залу и потрясая повѣткой. — Анечка! Мы спасены!.. Ахъ, милая мамаша! И откуда она взяла такую сумму? Смотри! — показывая своей женѣ на цифру присланныхъ денегъ, съ торжествомъ говорилъ Ефимъ Ивановичъ.

— Да это не ошибка ли? Какъ-нибудь второпяхъ лишній нуль прибавили, — замѣтила Турманова.

— Такъ тогда выйдетъ только десять рублей!

— Ну, такъ что жъ?

— Безмыслица, та сѣге... пойми наконецъ, что въ подобныхъ случаяхъ почтамтъ никогда не ошибается... нулемъ шутить нельзя... Нѣтъ, это вздоръ! А вотъ намъ надо поскорѣй собраться въ дорогу!

— Я, право, не знаю, ѣхать ли мнѣ?

— Объ этомъ и думать нечего! Вѣдь ужъ доктора рѣшили, что здѣсь ты окончательно погубишь себя... А дѣти-то? Ихъ тоже скорѣй надо тащить отсюда... Помнишь, какъ поэтъ сказалъ: „Вы здѣсь, несчастныя дѣти, зачѣмъ?..“ Это вѣрно... Анечка, мой священный долгъ предостеречь тебя отъ грозящей опасности...

— Но что я тамъ буду дѣлать?

— Само собою разумѣется, что мы не будемъ обременять матушку: я найду себѣ должность хоть въ какой-нибудь консисторіи... а ты можешь давать частные уроки или даже открыть школу... вѣдь ты имѣешь на это право... Итакъ, рѣшено: ѣдемъ!..

На другой день въ опустѣвшемъ флигелѣ вооруженный длинной метлой дворникъ выметалъ соръ и ворчалъ про себя: „Насилу-то убрались наши болгары...“ Между тѣмъ „болгары“ благополучно совершали свое путешествіе, сидя въ вагонѣ третьяго класса. Извергая изъ трубы черные клубы дыма, длинный пассажирскій поѣздъ мчался по Николаевской желѣзной дорогѣ мимо лѣсовъ, не успѣвшихъ еще одѣться листвою, и широкихъ полей, на которыхъ уже начинала пробиваться ярко-зеленая травка. Ефимъ Ивановичъ описывалъ своей супругѣ нравы и обычаи уѣзднаго города В., гдѣ они намѣрены были поселиться, по временамъ обращая вниманіе своихъ дѣтей на картины природы, пронесшіяся мимо оконъ.

— Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ, — говорилъ онъ: — есть хоть сады, гдѣ въ лѣтнее время играетъ музыка; у насъ даже и этого нѣтъ... Единственное развлеченіе составляетъ мостъ, съ котораго удятъ рыбу и чиновники и учителя и куда сходятся по вечерамъ все высшее интеллигентное общество, не исключая и дамъ. Газеты приходятъ въ нашъ городъ на четвертый день послѣ своего выхода... Зина! Варя! Смотрите, вонъ стоятъ крестьянскія дѣвочки... Это ужъ настоящія деревенскія дѣти... А вонъ видите травку? Это растетъ рожь, изъ которой дѣлается черный хлѣбъ... Нѣтъ, какова мамаша-то! — вновь обращался Турмановъ къ своей женѣ. — Сама бѣдствуетъ, а какую сумму прислала... вотъ что значитъ сынъ родной... Ахъ, какъ я радъ, что наконецъ вырвался изъ столичнаго омота...

Иногда Ефимъ Ивановичъ подсаживался къ какому-нибудь пассажиру и заводилъ съ нимъ такую бесѣду:

— Далекое проѣзжать изволите?

— Да, былъ въ губерніи... начальство вызывало... Изволите видѣть: понамарь подаль на меня жалобу, что я неисправенъ въ своей должности, замѣчательнень грубостью, нетрезвостью, придиричьемъ, назойливью, ѣмъ по постамъ скоромное, и что будто бы вразумительности въ моемъ чтеніи нѣтъ никакой; а въ бытность мою въ его домѣ на Кирики-Улиты у него не оказалось на столѣ кредитнаго билета рублеваго достоинства... И все это чистый вымысел...

— Вамъ бы посоветоваться съ какимъ-нибудь адвокатомъ...

— Толковалъ я съ однимъ чиновникомъ. Онъ велѣлъ мнѣ подать прошеніе благочинному, чтобы онъ сдѣлалъ дознаніе и донесъ консисторіи, которая сдѣлаетъ свое постановленіе и препроводитъ оное въ канцелярію владыки; тамъ оно занесется во входящую, потомъ спустится резолюція въ консисторію, а она съ своей стороны пошлетъ указъ благочинному. Онъ и объявитъ тяжущимся сторонамъ, кто правъ, кто виноватъ...

— Да, сложная процедура, — глубокомысленно замѣчалъ Турмановъ, прислушиваясь къ разговору другихъ пассажировъ, изъ которыхъ одинъ спрашивалъ другого:

— А красивъ собою зять-то?

— Очень представительный господинъ; невѣсть двадцать обѣздила по губерніи, все не нравились... за него цѣплялись какіе тузы!.. А къ намъ пріѣхалъ, въ пять минутъ порѣшили дѣло; потому Груша сразу обворожила его...

— По крайней мѣрѣ хорошо ли живутъ то молодые?

— Нельзя сказать... вся причина — свекровь лютая попалась... мою дочь все хорохорницей называетъ, а сына упрекаетъ, зачѣмъ взялъ нищую. А надо вамъ сказать, у ней девять члвчкъ семьи, и мой зять долженъ имъ замѣнить родного отца... понимаете? Содержать всѣхъ отъ мала до велика...

Наступаетъ непродолжительная пауза, послѣ которой одинъ изъ собесѣдниковъ вновь разрѣшается вопросомъ:

— А что, вашъ не однокашникъ Герасимъ Завулонскій?

— Нѣтъ, онъ курсомъ моложе меня...

— Вспомнилъ я: разъ намъ дана была какая-то головомная тема для сочиненія. Я бился-бился, да взялъ цѣликомъ и содралъ

съ поученія Сильвестра... Профессоръ и говоритъ мнѣ: „Видно, что вы не отъ души писали или были, можетъ-быть, нездоровы“... Ха-ха-ха! уморилъ на отдѣлку...

Но вотъ наконецъ, спустя двое сутокъ, Турмановы пріѣхали въ городъ В., живописно расположенный на высокой горѣ, у подножья которой извивалась узенькая, но быстрая рѣчка. Близъ вокзала желѣзной дороги путники сѣли въ старыи извозчичій тарантасъ, который, немилосердно громяхая по убійственной мостовой гайками и винтами, минуя нѣсколько пыльныхъ улицъ съ покосившимися лачугами, пустырями и разломанными заборами, подѣхалъ къ низенькому деревянному дому, около котораго свободно разгуливали домашнія животныя; надъ калиткой была прибита жестяная вывѣска съ надписью: „Домъ калескай саветницы Турмановой“.

Какъ блудный сынъ, терзаемый раскаяніемъ, Ефимъ Ивановичъ припалъ къ стопамъ своей доброй матери и, цѣлуя ея морщинистыя руки, которыя вынянчили его, съ чувствомъ восклицалъ:

— Дорогая моя! Простите великодушно... Я такъ много доставилъ вамъ безпокойства...

— Ахъ, Ефимушка, если бы ты зналъ, какъ напугало меня твое письмо... вѣдь я доселѣ ни одной ночи не могла заснуть... два раза молебень заказывала...

— Ну, простите, родная... что дѣлать! Повинную голову ни съкутъ ни рубятъ...

— Какъ же можно доводить себя до такого положенія? А ты вотъ что мнѣ скажи: усердно ли ты молишься Богу?..

— Я?!.. Конечно... нельзя сказать, чтобы ужъ очень...

— Вотъ видишь. За это тебя Богъ и наказываетъ...

— Да я вѣрю... Позвольте однако представить вамъ свое семейство... Это моя жена Анна Михайловна, урожденная Ключицына. Она немножко сродни графу Ключицыну, который, впрочемъ, недавно вылетѣлъ въ трубу... Надо вамъ сказать, моя жена воспитывалась въ одномъ изъ лучшихъ пансіоновъ... знаетъ иностранныя языки... По профессіи она педагогичка... А это вотъ мои крошки Зина и Варя... онѣ тоже начинаютъ болтать по-французски и даже по-английски... Ну, скажи, Зиночка: хоу ду ю ду, грэндъ медзеръ?

— Боже мой, какія онѣ у тебя худенькія! — качая головою, сказала старушка.

— Да, милая! Всѣ были въ такомъ перекрестномъ огнѣ, что вспомнить страшно... Однако, знаете ли, пословица говоритъ: солвья баснями не кормятъ... Какъ бы намъ что-нибудь съ дорожки закусить... да водочки нельзя ли?..

— Этой прорвы у меня и въ поминѣ нѣтъ... А ты развѣ пьешь?

— Знаете ли, немного... съ горя... иногда... вѣдь члвчкъ не камень...

— Не совѣтую и не благословляю... Эй, Пелагея, Пелагея! Давай скорѣй обѣдать...

— Она вещи выбираетъ изъ тарантаса.

— Какія же у тебя вещи?

— Хламъ разный... его надо убрать въ кладовую... Ну, сядьте, расскажите, дорогая моя, чѣмъ и какъ вы пробавляетесь? Жильцовъ къ себѣ не пускаете?

— Какіе могутъ быть жильцы въ нашемъ мѣстѣ! Ты видишь, глушь! Впрочемъ, по осени стоялъ одинъ чиновникъ... все буйствовалъ, разбойникъ, да тиранилъ свою жену, не чаяла спровѣдить... Какъ напьется пьянъ, такъ къ женѣ придирается: „Ты, такая-сякая, никакого образованія не получила... ты „корову“ черезъ ъ пишешь“...

— Ха-ха-ха! Вотъ умора-то! Анета! Поди послушай, какую прелесть мамаша рассказываетъ... Ну, значить, домъ никакого доходу вамъ не приноситъ?

— Кромѣ расходовъ, ровно ничего... вотъ поземельныя за полгода еще не уплатила... Городовой разъ пять приходилъ... я ужъ не говорю о ремонтѣ... Если бы нашелся покупатель, я съ радостью свалила бы съ плечъ эту обузу...

— Такъ одной пенсіей и пробавляетесь?

— Одной... да и ту, по твоей милости, буду получать не ранѣе, какъ по истеченіи трехъ мѣсяцевъ. Впрочемъ, огородъ съ садомъ немножко поддерживаютъ. Скажи на милость, что же тесть-то не помогаетъ тебѣ? Боятся ли онъ Бога? Ты писалъ, что онъ богачъ.

— Страшный! Недавно имѣніе купилъ въ Псковской губерніи.

— Ты бы ужъ съ нимъ не ссорился...

— Невозможно... Вы его не знаете... это кашей!.. Онъ свою родную дочь обобралъ: вмѣсто обѣщанныхъ десяти тысячъ онъ далъ ей въ приданое только три... „Я, говоритъ, думалъ, что ты выйдешь замужъ за члвчка, а твой мужъ развѣ члвчкъ?“ — Какое же господинъ? Потомъ пишетъ мнѣ: „Ты женился и не кормишь свою жену“. Я отвѣчаю: „Я готовъ ее кормить, но у меня ничего нѣтъ...“ Да не безпокойтесь, мамаша! Какъ-нибудь проживу... принцу себѣ здѣсь мѣсто... Жена тоже будетъ работать...

— Дай-то Богъ... — промолвила старушка и пригласила гостей обѣдать. — А тутъ, — продолжала она, садясь за столъ: — весь городъ толкуетъ, что ты поступаешь въ итальянскую оперу и будешь получать 10 тысячъ жалованья... Прошлую зиму ты писалъ мнѣ объ этомъ письмомъ, а я показала его твоему бывшему пріятелю Оглобдову... онъ и пропустилъ слухъ...

— Налрасно вы это сдѣлали, — замѣтилъ Ефимъ Ивановичъ.

Прошло двѣ недѣли со дня прїѣзда Турмановыхъ въ городъ В. Природа была во всемъ своемъ пышномъ убранствѣ: луга пестрѣли цвѣтами, сады и лѣса оглашались неумолкаемымъ щебетаніемъ птицъ. Ефиму Иванычу пора уже было приступить къ выполнению своей программы относительно матеріальнаго обезпеченія своей семьи,—тѣмъ болѣе, что родной городъ онъ зналъ вдоль и поперекъ; но онъ медлил своими визитами къ знакомымъ, особенно къ тѣмъ, которые по своему общественному и административному положенію могли бы оказать ему существенную пользу. Замѣчаніе матери, что всему городу извѣстно о предстоявшей ему карьерѣ опернаго пѣвца съ невѣроятнымъ окладомъ жалованья, произвело на него тягостное впечатлѣніе и задержало его въ родительскомъ домѣ гораздо долѣе, чѣмъ того требовали обстоятельства. Ему предстояло такъ или иначе поддержать выгодную о себѣ репутацию, а это не совсемъ легко было сдѣлать. Прежде всего необходимо было запастись уважительной причиной, заставившей его оставить не только сцену, но и самый Петербургъ — этотъ разсадникъ всѣхъ отраслей искусства, гдѣ совмѣщаются самыя благоприятныя условія для развитія и усовершенствованія всякаго возникающаго таланта; затѣмъ требовалось доказать на дѣлѣ, что столичная жизнь не прошла безслѣдно для его „колоссальнаго“ тенора, такъ какъ непременно въ какомъ-нибудь семействѣ его попросятъ спѣть если не итальянскую арию въ родѣ „la donna e mobile“, то во всякомъ случаѣ хоть одинъ изъ романсовъ Глинки или Гурилева; легко можетъ быть также, что мѣстные меломаны (а они есть: напримѣръ, воинскій начальникъ, казначей, смотритель острога и другіе) вздумаютъ устроить музыкальный вечеръ и пригласятъ вновь прибывшую знаменитость принять въ немъ активное участіе. Но Турмановъ хорошо зналъ, что онъ не только не въ состояніи оправдать возлагаемыхъ на него надеждъ въ—скаго общества, какъ пѣвецъ, но даже въ качествѣ простаго смертнаго немислимъ ни въ одномъ порядочномъ домѣ, ибо столичный костюмъ его, обладавшій крайне шокирующимъ свойствомъ, могъ серьезно повредить ему: въ немъ Турмановъ смахивалъ скорѣе на странствующаго артиста, чѣмъ на избраннаго счастливца съ неоспоримыми правами на званіе опернаго или салоннаго пѣвца.

Между тѣмъ время дѣлало свое дѣло. Съ каждымъ днемъ все тяжелѣе становилась жизнь безъ „опредѣленныхъ занятій“ хотя и въ родительскомъ домѣ: мать Турманова почти ежедневно роптала, что съ прїѣздомъ къ ней питерскихъ гостей всѣ ея хозяйственные запасы начали исчезать съ ужасающей быстротой, не говоря уже о безпокойствѣ и хлопотахъ, съ которыми сопряжена была поддержка родственныхъ отношеній. Бѣдная старушка не разъ урезонивала сына, упрекая его въ праздности и угрожая ему продажей дома, равно какъ и добровольнымъ заточеніемъ себя въ одной изъ женскихъ обителей, гдѣ нѣтъ „ни печали ни воздыханія“. Къ энергическому и вполне справедливому протесту хозяйки присоединились также обличенія и укоризны Турмановой:

— Если вы, Ефимъ Иванычъ, сами о себѣ не думаете,—говорила послѣдняя: — то для блага вашихъ дѣтей позаботьтесь хоть обо мнѣ. Благодаря Бога, мое здоровье значительно улучшилось, и я уже могу трудиться... Принците мнѣ какое-нибудь занятіе... вѣдь вамъ знакомъ весь городъ... Мнѣ, право, такъ совѣстно передъ вашей доброй матерью, съ которой мы расплачиваемся однимъ лишь тунеядствомъ... Жить на чужой счетъ я болѣе не могу...

Вполнѣ сознавая справедливость этихъ словъ, Ефимъ Иванычъ не дѣлалъ даже и попытки возражать; онъ ограничивался лишь тѣмъ, что, понуривъ голову и заложивъ руки за спину, ходилъ по комнатѣ или, подошедши къ окну, молча барабанилъ пальцами по стеклу. Но однажды подъ вліяніемъ какого-то наитія онъ обратился къ женѣ съ извѣстіемъ:

— Знаешь ли, Анета, какое я придумалъ средство? Не далѣе, какъ сегодня вечеромъ, всѣмъ здѣшнимъ тузамъ и магнатамъ я сдѣлаю одинъ, общій визитъ...

— Какимъ это образомъ?

— Вотъ увидишь...

Повидимому, весь поглощенный задуманнымъ планомъ, Ефимъ Иванычъ надѣлъ фуражку и, вполголоса напѣвая „Хуторокъ“, вышелъ изъ комнаты.

Было около пяти часовъ вечера. Одѣтый въ поношенное каламянковое пальто и вооруженный двумя удочками, Турмановъ шелъ по каменистому берегу рѣки, направляясь къ мосту, на которомъ виднѣлись неподвижныя, словно окаменѣлыя, фигуры всѣхъ возрастовъ рыболововъ; между ними Ефимъ Иванычъ еще издали замѣтилъ своего прїятеля, уѣзднаго учителя Оглобдова, сидѣвшаго на краю моста и пристально смотрѣвшаго на поплавки своихъ удочекъ; это былъ рябоватый, плечистый мужчина лѣтъ подлѣ пятьдесятъ, съ выпученными оловянными глазами, жирнымъ затылкомъ и щетинистыми усами. Увидавъ Турманова, онъ отъ удивленія вздрожалъ руки и громко завопилъ:

— Кого я ви-и-жу? Турмановъ!..

— Здравствуй, Сергѣй, — и подошедши къ прїятелю и подавая ему руку, скромно произнесъ, Ефимъ Иванычъ.

— Давно ли прибылъ, дружокъ?

— Да ужъ недѣли двѣ будетъ...

— Вотъ какъ! А я, признаться, самъ только вчера возвратился;

все это время былъ въ отлучкѣ... Въ хозяйство, братъ, ударился: снялъ въ аренду большой хуторъ, завелъ лошадей, коровъ, свиней... Ну, садись, рассказывай... Это чьи же у тебя удочки?

— Я взялъ у своего сосѣда...

— Брось ихъ, пожалуйста... лучше не срамись... Возьми любя изъ моихъ... Однако ты сильно похудѣлъ...

— Еще бы! Питеръ-то не свой братъ...

— Знаю, не рассказывай! Климатъ убійственный, не то, что у насъ... Да! Тебя надо поздравить...

— Съ чѣмъ же?

— Какъ? Вѣдь ты, говоря метафорически, воспринялъ узы Гименя...

— Но вѣдь это такъ давно... У меня ужъ двое дѣтей... А ты не сдѣлалъ еще, какъ говорится, этой послѣдней глупости?

— Богъ милостивъ пока... Впрочемъ, наклеивалась одна барышня въ нашемъ уѣздѣ, и съ довольно солиднымъ состояніемъ... Дѣло пошло было на лады, но бѣсъ меня подернулъ написать ей свою исповѣдь, что я люблю выпить, въ картишки перекинуть, и что у меня почти ни одного зуба нѣтъ... А надо тебѣ сказать, однажды мы съ зрителемъ долго трактовали о бракѣ. Онъ и посовѣтовалъ мнѣ написать эту исповѣдь: „Надо, говорить, заранее формулировать прелиминарныя условія“. Въ самомъ дѣлѣ, думаю, бракомъ шутить нельзя... взялъ да и написалъ исповѣдь... А въ результатѣ оказалось, что невѣста... прописала мнѣ отставку и недавно вышла за другого... Ну, что же ты къ намъ надолго?

— Определенно не могу сказать... Во всякомъ случаѣ придется пробыть здѣсь годъ, если не болѣе, — потому жена серьезно больна...

— Ну, а какъ же сцена-то?

— Какая сцена?

— Театръ, что ли, тамъ...

— Ты хочешь сказать про оперу...

— Ну, да! Насчетъ 10 тысячъ...

— Правда, дирекція дѣлала мнѣ предложеніе... но... мы не сошлись въ условіяхъ...

— Гм... Какъ же это? Стало-быть, ты запросилъ, что ль, очень много?

— Совсѣмъ не то... какія-нибудь семь-восемь тысячъ и одинъ бенефисъ... совершенные пустяки!.. Но во время нашихъ переговоровъ начались разныя интриги, сплетни... Это ужъ всегда такъ бываетъ... но главное, надо было серьезно подумать о женѣ... Ей угрожала чахотка... Ну, думаю, Богъ съ нимъ и искусство! На все и махнулъ рукой...

— Ахъ, сорвалась, бестія! — вдругъ воскликнулъ Оглобдовъ, выдернувъ изъ воды удочку, и, насаживая червяка, продолжалъ: — Ну, а все-таки, со временемъ ты надѣнешься поступить въ оперу?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Славно! Подвизайся, братъ! А какъ бы это когда-нибудь тебя послушать?

— Чтò жъ. Заходи въ свободное время.

— Непремѣнно! Твою клюеть!.. — внушительно замѣтилъ Оглобдовъ.

Турмановъ со всего маху вытащилъ небольшую рыбку и, снявъ ее съ крючка, спросилъ своего прїятеля:

— Ну, какъ поживаетъ нашъ общій другъ Артемій Нилычъ Синеуховъ?

— Казначей-то? Чтò ему дѣется? Недавно женился на богатой вдовушкѣ... Вотъ, братъ, съ ней тебѣ непременно надо познакомиться: ужасная любительница пѣнія! Какъ птичка, распѣваетъ съ утра до ночи... Она съ мужемъ, должно-быть, сегодня придетъ сюда, потому погода хорошая.

Мало-по-малу бесѣда прїятелей приняла серьезный характеръ и наконецъ перешла на дѣловую, практическую почву. Сначала Турмановъ завелъ рѣчь о кипучей, лихорадочной дѣятельности столичныхъ жителей и постыдной косности провинціаловъ, съ чѣмъ никакъ не хотѣлъ согласиться Оглобдовъ, приводя слова премудраго Соломона, что, въ сущности, все въ этомъ мірѣ *vanitas vanitatum*. Не считая нужнымъ входить въ полемику по поводу этого философскаго изреченія, Турмановъ прямо высказалъ своему другу, что, въ силу укоренившихся столичныхъ привычекъ, онъ желалъ бы прїискать себѣ въ г. В. какое-нибудь занятіе, лишь бы только не сидѣть, сложа руки.

— Впрочемъ, — добавилъ онъ: — я-то еще туда-сюда... потому самъ былъ когда-то провинціаломъ; но вотъ жена моя ужъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть безъ дѣла, такъ какъ съ самаго ранняго возраста привыкла видѣть вокругъ себя энергическую дѣятельность и непрерывный трудъ.

Оглобдовъ слушалъ своего прїятеля съ такимъ глубокимъ вниманіемъ, что не замѣтилъ, какъ одна изъ его удочекъ очутилась на срединѣ рѣки. Увидавъ свою оплошность, онъ, какъ ужаленный, вскочилъ съ мѣста и неистово закричалъ:

— Ребята! Эй, скорѣй сюда! Должно-быть, щука попалась!

Щѣлая ватага мальчишекъ (большую часть учениковъ Оглобдова) бросилась впасть за удочкой и дѣйствительно вытащила замѣчательную щуку.

— Ага! попалась, разбойница! — съ какимъ-то дикимъ злорадствомъ говорилъ Оглобдовъ, продѣвая сквозь жабы щуки бечеву. — Однако фунтиковъ шесть будетъ...

— Пожалуй, больше вытянетъ, — ввернулъ подошедшій мѣщанинъ, держа за поводъ хромую клячу. — Вишь, аспидъ, какъ извивается...

Оглобдовъ отозвалъ въ сторону одного наиболѣе смышленнаго изъ своихъ учениковъ и вполголоса проговорилъ:

— Бѣги сейчасъ къ городскому головѣ или къ судебному слѣдователю и скажи, что вотъ, молъ, не желаете ли купить? Деньги тогда занеси ко мнѣ на квартиру, отдай Аграфенѣ.

— А сколько просить?

— Меньше гривенника за фунтъ не бери... только смотри, про меня ничего не говори... Скажи, что самъ поймалъ... Ма-аршъ!

— Ты куда же шуку-то отправилъ? — спросилъ Турмановъ своего пріятеля, когда послѣдній занялъ свою прежнюю позицію.

— Тутъ, къ одной барынѣ... Она давно просила меня угостить ее свѣженькой рыбкой... Ну, рассказывай дальше, — вновь закидывая удочку, сказалъ Оглобдовъ.

— Видишь, въ чемъ дѣло: жена моя педагогичка, имѣетъ дипломъ. Какъ ты посоветуешь: открыть ли ей школу, или ограничиться только частными уроками?

— Но вѣдь ты говоришь, что она опасно больна?

— Далеко нѣтъ... переменна климата чрезвычайно благотворно подѣйствовала на ея здоровье...

— Въ такомъ случаѣ я долженъ тебѣ сказать, что, въ виду наступающихъ каникулъ, на уроки нечего и рассчитывать, хотя и въ учебное-то время ихъ трудно найти. Что касается открытія частной школы, то эта операція, во-первыхъ, потребуетъ затраты весьма значительной суммы денегъ на одну лишь обстановку; во-вторыхъ, овчинка не будетъ стоить выдѣлки, такъ какъ въ нашемъ городѣ и безъ того довольно учебныхъ заведеній; а въ деревняхъ ни одинъ мужикъ гроша не заплатитъ на томъ основаніи, что съ сельскихъ обществъ собираются деньги специально на народныя школы, въ которыя опредѣляются учителя не иначе, какъ съ разрѣшенія особаго инспектора. Гораздо было бы практичнѣй женѣ твоей поступить на службу, но, къ сожалѣнію, ни въ одномъ изъ нашихъ учебныхъ заведеній нѣтъ вакантнаго мѣста... А-а! Вонъ и казначей идетъ съ женой! — извѣстилъ Оглобдовъ, взглянувъ на гору, изъ-за которой, сверкая на солнцѣ, выглядывалъ шпицъ соборной колокольни. — Теперь скоро сберутся сюда мои коллеги-учителя, исправникъ, почтмейстеръ, секретарь думы и вообще все сливки здѣшняго общества.

— Скажи, пожалуйста, Сергѣй, — перебилъ Ефимъ Иванычъ: — ну, не могу ли я рассчитывать на какую-нибудь должность?

— Лучше, братъ, и не думай! У насъ въ настоящее время все биткомъ набито... Недурно бы тебѣ втереться въ присутствіе по пьяной части въ качествѣ надсмотрщика, но это мѣсто недавно занялъ секретарь земской управы, а его должность замѣстилъ одинъ протеже предводителя дворянства... Вотъ хорошо бы тоже поступить въ урядники... но ты едва ли согласишься...

— Почему ты такъ думаешь? Мнѣ бы только хоть что-нибудь дѣлать...

— А должность, я тебѣ скажу, просто шикъ! Со временемъ можно сдѣлаться квартальнымъ... Къ крайнему прискорбію, по крайней мѣрѣ насколько мнѣ извѣстно, въ нашемъ уѣздѣ все урядники налицо... и народъ, знаешь ли, болѣе или менѣе интеллигентный... одинъ изъ нихъ въ прошломъ году женился на дочери нашего протопопа, другой подхватилъ дворяночку съ имѣніемъ... Впрочемъ, вотъ что я тебѣ скажу, любезный другъ: пока то да сѣ... будетъ ли мѣсто, или нѣтъ, а пока займись-ка ты однимъ дѣломъ, самымъ что ни на есть подходящимъ для тебя въ данномъ случаѣ: пиши въ газеты корреспонденціи... Я бы сталъ доставлять тебѣ матеріалъ, но съ однимъ непремѣннымъ условіемъ — гонораръ пополамъ!

— Почему же ты самъ этимъ не займешься?

— Понимаешь ли, служба... я — лицо, такъ сказать, официальное... Избави Богъ, начальство узнаетъ, я долженъ съ мѣста слетѣть... Ты же человекъ независимый... пописывай себѣ да пописывай... а матеріалу — на возъ не покладешь... Вотъ, на примѣръ, картинка хороша, какъ нынѣшней весной весь городъ провожалъ нашего

бывшаго городского голову, отправлявшагося подъ конвоемъ въ отдаленныя мѣста Сибири (онъ въ банкѣ цапнулъ около ста тысячъ); какъ, прощаясь съ согражданами, онъ плакалъ и увѣрялъ, что онъ непороченъ, какъ агнецъ. Словомъ, курьезовъ тьма... Или вотъ тоже забавный инцидентъ: одному купеческому сынку вздумалось покататься на велосипедѣ по городскому выгону. Толпа мужиковъ, шедшихъ въ городъ, вдругъ остановилась и начала дѣлать предположенія: „А вѣдь хоть что, парень, это нечистая сила, либо оборотень“. „Нѣтъ, это глаза отводить...“ „Какіе глаза? Тебѣ говорятъ, наважденіе... врагъ... Бей его, ребята!“ Одинъ изъ мужиковъ пустилъ въ купчика здоровенный камень, но, къ счастью, промахнулся. Вотъ ты и напиши: „дескать, на дняхъ въ нашемъ городѣ имѣлъ мѣсто весьма прискорбный случай, свидѣтельствующій о крайне низкомъ, такъ сказать...“

— Уровнѣ развитія простого народа! — подхватилъ Турмановъ.

— Да! Только прибавь: проникнутаго суевѣрными воззрѣніями... Ну, вотъ и казначейша пришла, — торопливо вставая, сказалъ Оглобдовъ. — Я тебя сейчасъ познакомлю съ ней...

— Софья Петровна! Позвольте вамъ представить моего пріятеля, петербургскаго опернаго пѣвца Ефима Иваныча Турманова, — обратился онъ къ стоявшей на мосту съ зонтикомъ въ рукѣ дебелой барынѣ рядомъ съ высокимъ, пожилымъ мужчиной, который, увидавъ Турманова, воскликнулъ густымъ басомъ:

— Да вѣдь это старый знакомый! Ай-ай-ай! Не стыдно вамъ, милѣйшій мой! Давно пріѣхали и доселѣ глазъ не кажется... А я говорю Сонечкѣ: погоди, мой другъ, вотъ скоро устроимъ музыкальный вечеръ... Въ нашъ городъ прибылъ знаменитый теноръ, мой давнишній знакомый, съ которымъ ты можешь пропѣть дуэтомъ свой любимый романсъ: „Такъ ты, моя красавица, лишилась вдругъ двухъ суженыхъ“.

— Весьма пріятно познакомиться, — пожимая пѣвцу руку, говорила Софья Петровна. — А вы, monsieur Турмановъ, поете этотъ романсъ?

— Я больше итальянскія вещи исполняю, хотя иногда пою и романсы...

— Ужъ вы, пожалуйста, не откажите намъ въ удовольствіи послушать васъ.

— Да, да! Непремѣнно сегодня же вечеромъ устроимъ концертъ! — подхватилъ казначей. — Прямо отсюда все и отправимся ко мнѣ... Попьемъ чайку — да и за дѣло!..

Ночныя сумерки спустились надъ городомъ, въ которомъ царил мертвая тишина, лишь изрѣдка прерываемая лаемъ собакъ да стукомъ палки ночного сторожа.

Домъ казначея, стоявшій въ центрѣ города, былъ ярко освѣщенъ; передъ нимъ, у растворенныхъ оконъ, собиралась уличная публика, которую главнымъ образомъ составляли мѣстные пѣвчіе, желавшіе послушать пріѣзжаго опернаго пѣвца. Въ толпѣ шел разговоръ:

— Кажись, чай-то откушали... Вонъ крышку на фортепіанахъ поднимаетъ хозяйка... сейчасъ начнется...

— А вонъ и пѣвецъ... солидный господинъ...

— Что же онъ такъ одѣтъ-то?

— Вѣрно, прямо съ дороги...

— Нѣтъ, онъ на мосту сейчасъ былъ, рыбу удиль...

— Такъ!.. Значитъ, запросто...

— Ну, ради Самого Создателя!.. — слышался въ домѣ голосъ казначея.

— Право же, не могу! — увѣрялъ Турмановъ. — Сегодня я не въ голосѣ...

— Ну, для меня, родной!..

— Понимаете ли, я просто охрипъ...

— Боже мой! Да развѣ мы взыщемъ!.. Ну, хоть какъ-нибудь... вполголоса... Сонечка, начинай!

— Ефиму Иванычу начинать...

Пѣвецъ откашлялся. Публика притихла; раздалось пѣніе...

— Однако здорово забираетъ, — замѣтилъ кто-то въ толпѣ: — вотъ такъ голосъ, ну, ужъ и голосина!

Высунувшись изъ окна, казначей погрозилъ публикѣ пальцемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Грустная свадьба.

Разсказъ Владиміра Гордина.

День растаялъ въ синихъ сумеркахъ. Маленькая комната расширилась. Стѣны стали неуловимо подвижными. Столикъ, стулья, кровать уплыли, потонули, — не видно. На блѣдномъ небѣ — за синимъ окномъ — еле теплится мѣсяць. „Тикъ-такъ, тикъ-такъ...“ — спѣша стучалъ будильникъ на комодѣ. Завернувшись по самые глаза въ теплую шаль, дѣвушка плакала на подоконникѣ. Она тихо плакала, чтобы сосѣднія комнаты не слышали. Слезы рѣзали вѣки, — больше ничего.

Изъ темнаго угла вышла старенькая бабушка-ночь, шамкала чуть слышно, шуршала губами: „Отчего ты плачешь, дитя? Глаза потеряютъ блескъ свой синій...“

— Какъ же мнѣ не плакать, бабушка! Еще годъ тому назадъ только отецъ живъ былъ. Хотя онъ всегда капризничалъ — больной, но мать безъ протеста исполняла все его желанія. А когда онъ умеръ, что съ нею было!.. Теперь она снова выходитъ замужъ. Завтра вѣнчается. Онъ, чужой, безобразный, — будетъ ласкать мою маму, которую такъ люблю... Мама, мама, не надо... —

такъ сама съ собой разговаривала молодая дѣвушка, сидя на подоконникѣ.

Сколько ей лѣтъ? Не все ли равно, сколько. Она знаетъ, — женихъ мамы злой, злой. Нечаянно подслушала ихъ разговоръ:

„Хочу отдать послѣдній долгъ мужу: поставлю памятникъ на могилѣ.“

„Мужемъ твоимъ я теперь буду. Ты должна забыть его, совсемъ забыть. Не хочу, чтобы ты о немъ заботилась, ставила памятникъ, — закричалъ онъ въ раздраженіи.“

Мать замолчала. Ушла куда-то. Не скоро вернулась. О чемъ она думала? Что на душѣ у нея творилось въ это время?

Ночь все закрыла своей черной, широкой тѣнью. Луны нѣтъ, — скрылась подъ хмурой тучей. Вѣтеръ сиреной заплакалъ. Сталь подметать пыль съ улицы, бросать въ окно и выше. Вздрогнули стекла. Застучали желѣзныя зажимки. Струя холода проникла черезъ раму и легла на разгоряченномъ лицѣ дѣвушки. Она стала ломать тонкіе пальцы. Они тихо жалобно хрустѣли...

„Бѣдный папа, лежитъ, землей покрытый... Въ темныя ночи одинъ... Одинокій папа“...

Чуть расцвѣтшая молодая грудь поднялась немного. Изъ глубины—тяжелый воздухъ. И большіе синіе глаза снова заплакали.

— Неужели я такъ же когда-нибудь поступила бы, какъ мама?...— шептали тонко очерченныя губы.— Нѣтъ, нѣтъ!—И гордо откинула немного назадъ голову. Руками сняла съ лица длинную прядь золотыхъ волосъ и спрятала ихъ подъ шалью.

„Нѣтъ, она такъ никогда... Вѣчной вдовой“...

Чутко прислушалась. Приложила маленькое ухо къ окну. Неожиданные звуки, словно изъ самаго неба. Пѣла скрипка. Знакомая мелодія: тягучая, скорбная, съ тихими переливами. Ручей бурлил въ ночномъ лѣсу, окруженный стволами вѣтвистаго дуба. Это игралъ „онъ“, котораго она ни разу не видала, но чувствуетъ его всей молодой, расцвѣтающей душой,— чувствуетъ днемъ и ночью. Какъ онъ, должно-быть, хорошъ. Похожъ на свою музыку. Львиная голова. Волосы свѣтлыми колечками, чуть пробивающіеся усы. Глаза близорукіе, большіе, каріе. Любимый! Для него она жертвуетъ, чѣмъ можетъ. Съ радостью пойдетъ на жертву. А если... не дай Богъ, не дай Богъ... Она вѣчно будетъ плакать вмѣстѣ съ ней, съ родной, осиротѣвшей скрипкой... Нѣтъ. Она больше не будетъ даже думать объ этомъ,—не хорошо такъ, грѣхъ большой!..

Страшно стало. Холодъ морозомъ пробѣжалъ по спинѣ. Задрожала всѣмъ тѣломъ. Крѣпко-крѣпко сомкнула зубы. Жутко одной въ темной, полной неясныхъ тѣней и тихихъ шороховъ, комнатѣ.

Неожиданная полоса свѣта на мгновение мелькнула на порогѣ. Изъ гостиной съ лампой въ рукахъ вошла мать,—высокая, гибкая, съ золотыми волосами, какъ у дочери. Голова немного склонилась на бокъ. Черныя брови и длинныя рѣсницы еще больше отбѣняли синеву глазъ.

— Отчего ты не спишь, дѣвочка моя?—виновато-ласково звучалъ голосъ матери. И вдругъ она увидѣла слезы дочери. Отвернулась. Лицо еще блѣднѣе стало. Долго стояла на одномъ мѣстѣ и молчала. Потомъ взяла маленькія, холодныя руки дѣвушки, приложила къ своимъ губамъ,дохнула на нихъ. Согрѣла ооченѣвшіе пальчики. Бережно къ нимъ прикоснулась. Ничего не сказала. На цыпочкахъ, какъ бы боясь кого разбудить, вышла изъ комнаты.

Снова темнота наступила. И снова зазвенѣла скрипка серебромъ каменистаго ручья—въ ночномъ лѣсу.

Вода бурлитъ, бѣжитъ, съ каждымъ камешкомъ обнимается и стремится дальше, далеко въ море. Самая высокая, самая гибкая нота вьется, переплетается, какъ дикій виноградъ. Подражаетъ

звонкому смѣху, радостному крику дѣтскаго хора—на цвѣтстомъ полѣ.

Печаль сжала грудь. Юное сердце, впервые познавшее любовь, забилось еще и еще чаще. Дышать трудно стало. Маленькія, холодныя руки спрятались. А слезы, слезы—безъ конца,—откуда столько?

Полоса свѣта мигнула на порогѣ. Мать прошла мимо открытой двери. Но для чего же она снова надѣла трауръ? Крепъ тянулся до пола. Она крадучись шла, оглядывалась,—боясь, что кто-нибудь увидитъ ее. Застучали каблуки въ третьей комнатѣ. Далеко хлопнула дверь. Куда она ушла такъ поздно? Дѣвушка замерла на мгновение на мѣстѣ. Прислушалась къ тишинѣ. Страхъ заглянулъ въ самые глаза. Въ лихорадкѣ соскочила съ подоконника. Въ передней накинута пальто. Бѣгомъ пустилась внизъ по лѣстницѣ. На улицѣ пусто, ни звука. Фонари погасли и стояли точно слѣпые. У поворота темнѣлъ знакомый силуэтъ матери. Дѣвушка пошла по слѣдамъ ея—на большомъ разстояніи. Захватило духъ предъ неизвѣстностью. Быстро шли, точно кто гнался. Шли безъ конца—далеко. Протянулась длинная вереница улицъ, переулковъ. „Какія онѣ всѣ ночью странныя, незнакомыя. Трудно узнать ихъ... Но куда же мы идемъ?“...

Голова горѣла, какъ въ бреду. Тряслись холодныя руки.

За городомъ далеко ширились поля, потомъ чернѣлъ лѣсъ. Вблизи бѣлыми пятномъ выдѣлялись церковъ и высокая ограда. „Мать не видитъ, что она не одна, иначе...“ Оборвала мысль. Обогнула церковъ, обоняла кругомъ—къ кладбищу. Безъ труда перешагнула черезъ узкій ровъ. Ноги въ испугъ онѣмѣли. Казалось, она стучала костылями. Надъ головой монотонно шумѣли широколистые дубы и липы. Между стволами густо разбѣялись памятники, кресты. Много, много ихъ—большіе и малые,—всѣ подняли руки къ небу.

Дѣвушка уже давно догадалась. Мать бѣжала впереди и путалась въ своемъ длинномъ черномъ платьѣ. Она подошла къ низенькому, травой заросшему, холмику. Встала на колѣни. Обняла руками накренившійся на бокъ деревянный крестъ. Глухой, разбитый плачъ повисъ надъ могилой отца и долго, медленно таялъ.

— Бѣдная, несчастная моя мама!—шопотомъ повторяли-прыгали сухія губы. Ледяный морозъ проникъ до самыхъ костей. Сердце задрезжало, какъ упавшіе часы,—и остановилось. Бѣлый загадочный свѣтъ молніей метнулся въ глазахъ. Загорѣлся мозгъ.

— Мама... мама...—хрипло крикнула она дважды и упала лицомъ на сырую траву.

Зазвенѣли въ воздухѣ порвавшіяся струны.

Вѣтеръ смылъ тучи въ сторону. И мѣсяць всплылъ въ средину неба.

Какъ былъ изобрѣтенъ кинематографъ?

Разсказываютъ, что упавшее съ дерева яблоко навело знаменитаго Ньютона на мысль о всемирномъ тяготѣніи. Другой, не менѣе знаменитый, англійскій ученый, Джонъ Гершель былъ наведенъ на открытіе другаго, хотя не столь замѣчательнаго, закона,—грушею.

Однажды Гершель пригласилъ къ себѣ на завтракъ одного изъ своихъ друзей. Сидя за столомъ и бесѣдуя съ хозяиномъ, гость взялъ въ руку грушу и, держа ее за черешокъ, вертѣлъ ее. Гершель долго, не сводя глазъ, смотрѣлъ на эту вертѣвшуюся грушу и вдругъ обратился къ своему другу съ вопросомъ:

— Какъ вы думаете, можно ли одновременно видѣть обѣ стороны одной и той же монеты?

— Конечно, можно,—отвѣтилъ гость.—Вотъ!—и, взявъ въ руку шиллингъ, поднесъ его къ зеркалу.

— Нѣтъ, я не про то говорю,—возразилъ Гершель, проникнутой тою особою мыслью, которую ему внушила вертѣвшаяся передъ его глазами груша. И, чтобы пояснить свою мысль, онъ взялъ монету, поставилъ ее ребромъ на столъ и повернулъ пальцами такъ, что она быстро завертѣлась стоймя. Тогда Гершель попросилъ своего друга наклониться въ уровень съ доскою стола и смотрѣть на вертящуюся монету. Такъ какъ она при этомъ безпрестанно поворачивалась къ наблюдателю то орломъ, то рѣшеткой, то онъ и видѣлъ одновременно и то и другое.

Такимъ путемъ Джонъ Гершель открылъ новое интересное оптическое явленіе, а именно—задержку въ глазу свѣтового впечатлѣнія,—то самое явленіе, на которомъ основано устройство кинематографа.

Это явленіе состоитъ въ томъ, что свѣтовое впечатлѣніе, т.-е. изображеніе предмета внутри глаза, послѣ того, какъ глазъ уже пересталъ видѣть этотъ предметъ, пропадаетъ не мгновенно и немедленно, а остается, задерживается въ глазу на нѣкоторое, очень короткое, время, приблизительно на одну пятую секунды. Это любопытное свойство нашего глаза очень легко можетъ быть provato. Станьте противъ окна или противъ лампы и закройте глаза. Потомъ откройте ихъ на одно мгновение и сейчасъ же закройте. Яркое изображеніе окна или пламени лампы мгновенно блеснетъ у васъ въ глазахъ; но когда вы ихъ вновь закроете—свѣтлое изображеніе не тотчасъ потухнетъ: вы еще нѣкоторое, очень короткое, время будете видѣть, уже съ закрытыми глазами, окно или лампу. Повторите этотъ опытъ нѣсколько разъ подъ радъ—и вы вполне убѣдитесь въ существованіи этой способности глаза видѣть невидимое. Еще убѣдительно обнаружится это

явленіе, если вы занимаетесь фотографіей и обладаете быстрымъ, мгновеннымъ затворомъ. Сдѣлайте только-что описанный опытъ, поставивъ передъ глазомъ затворъ,—и явленіе выступитъ передъ вами рѣзче и нагляднѣе.

И вотъ на этомъ-то свойствѣ нашего глаза—сохранять свѣтовое впечатлѣніе послѣ того, какъ глазъ на самомъ дѣлѣ пересталъ видѣть предметъ—и основано устройство кинематографа. Что такое, въ сущности, представляетъ собою кинематографъ? Это снарядъ, съ помощью котораго отдѣльные, такъ сказать, отрубленные участки движенія возстановляются въ цѣльную, сплошную, непрерывную картину этого движенія, даютъ полную иллюзію естественнаго движенія. Представимъ себѣ человѣка, поднимающаго руку вверхъ, съ котораго мы дѣлаемъ послѣдовательные фотографическіе снимки. На первомъ снимкѣ онъ стоитъ, опустивъ руку внизъ, вдоль бока; на второмъ снимкѣ рука отодвинута отъ тѣла на одинъ дюймъ; на третьемъ—еще на одинъ дюймъ и т. д. Если рука его опишетъ дугу въ 4 фута, т.-е. (4 × 12) въ 48 дюймовъ, значитъ—намъ придется сдѣлать 48 послѣдовательныхъ снимковъ этого движенія.

Теперь соединимъ послѣдовательно всѣ эти снимки и будемъ ихъ одинъ за другимъ открывать передъ зрителемъ на одно мгновение и вслѣдъ затѣмъ немедленно закрывать или отодвигать, подставляя послѣ каждаго снимка послѣдующій, въ порядкѣ движенія. Само собою разумѣется, что смѣна снимковъ должна быть очень быстрая: они должны слѣдовать одинъ за другимъ менѣе, чѣмъ въ одну пятую секунду. Въ кинематографахъ смѣна происходитъ среднимъ числомъ въ одну шестнадцатую долю секунды. Прослѣдимъ, что при этомъ произойдетъ. Передъ глазомъ *останавливается* первый снимокъ—человѣкъ съ рукою, прижатою къ тѣлу. Подчеркиваемъ слово *останавливается*, потому что если бы этой остановки не было, то глазъ, конечно, не уловилъ бы изображенія; для того, чтобы предметъ далъ отчетливое изображеніе въ глазу въ то кратчайшее мгновение, пока онъ остается передъ глазомъ, необходимо, чтобы онъ на это мгновение оставался неподвижнымъ.

Всѣ кинематографы такъ и устриваются, чтобы каждое отдѣльное изображеніе длинной ленты снимковъ непрѣменно хоть на кратчайшее мгновение оставалось неподвижнымъ передъ зрителемъ. Въ это мгновение глазъ успѣваетъ его уловить, и когда оно отодвинется, глазъ, уже не видя его на самомъ дѣлѣ, все еще продолжаетъ его хранить въ себѣ въ теченіе одной пятой секунды. Прежде, чѣмъ это впечатлѣніе исчезнетъ передъ глазомъ,

уже становится новое изображение—того же человека с рукою, на дюйм отодвинутою от тела. Оба эти изображения в глазу зрителя сливаются, сочетаются совершенно плавно, ровно, без толчка, без перерыва, и у зрителя получается впечатлѣніе непрерывнаго отодвиганія руки отъ тѣла на одинъ дюймъ. Точно такъ же третье изображение сочетается со вторымъ, четвертое—съ третьимъ и т. д. Въ окончательномъ же результатѣ глазъ получаетъ впечатлѣніе плавнаго и непрерывнаго поднятія руки. Вотъ на этомъ-то и зиждется устройство такъ распространенныхъ въ настоящее время кинематографовъ, ставшихъ повсюду однимъ изъ самыхъ любимыхъ народныхъ зрѣлищъ.

Послѣ упомянутаго открытія Гершеля начались попытки его примѣненія и породили нѣсколько простенькихъ игрушекъ, которыя мы однакоже должны считать первообразами нынѣшняго кинематографа. Такъ, англичанинъ Финтонъ выпустилъ „птицу въ клѣткѣ“. Это было, кажется, первое примѣненіе закона Гершеля. Финтонъ изобразилъ на кускѣ картона съ одной стороны птицу, съ другой—клѣтку. Затѣмъ продѣлъ въ картонъ шнурокъ, такъ, чтобы можно было его быстро повертывать. При этомъ глазъ зрителя видѣлъ быструю смѣну изображеній то птицы, то клѣтки, и ему казалось, что онъ видитъ птицу въ клѣткѣ. Послѣ того появилось еще много разныхъ игрушекъ, извѣстныхъ подъ разными названіями, но основанныхъ все на томъ же началѣ задержки въ глазу свѣтового впечатлѣнія.

Первый опытъ примѣненія фотографіи къ этого рода снарядамъ былъ сдѣланъ английскимъ фотографомъ Мойбриджемъ въ концѣ 70-хъ годовъ минувшаго вѣка. Въ то время уже были изобрѣтены быстро работающія свѣточувствительныя пластинки съ бромо-серебрянымъ слоемъ, хорошо извѣстныя нынѣ каждому фотографу-любителю. Но никому еще не приходило въ голову наводить этотъ слой на бесконечно длинныя ленты изъ целлюлоида, какъ это дѣлаютъ теперь. Мойбриджъ придумалъ такую установку.

Онъ заблѣлил мѣломъ длинную стѣну и мимо нея заставилъ бѣжать лошадь. На пути лошади онъ установилъ тридцать фотографическихъ камеръ съ мгновенными затворами, которые послѣдовательно открывались въ ту минуту, когда лошадь проходила

Рис. 2. Параличъ лѣвой половины лица.

передъ камерами; затворы приводились въ дѣйствіе электрическими приспособленіями, при чемъ сама лошадь при своемъ бѣгѣ производила замыканіе тока какъ разъ въ то мгновеніе, когда она двигалась мимо камеры. Такимъ образомъ получалось тридцать изображеній послѣдовательныхъ движеній лошади, изъ которыхъ потомъ составлялась картина плавнаго движенія. Въ то время эти снимки ужасно поражали не только большую публику, но даже художниковъ и ученыхъ.

Въ 1890 году была наконецъ построена первая кинематографическая камера, въ которой на длинной лентѣ изъ целлюлоида, покрытой слоемъ чрезвычайно свѣточувствительнаго бромо-желатиннаго серебра, получился длиннѣйшій рядъ изображеній отдѣльных, строго послѣдовательныхъ, моментовъ движенія. Съ этого момента и было положено начало современной „живой фотографіи“, которой теперь наслаждаются широчайшіе круги публики, такъ какъ кинематографы, въ особенности, напримѣръ, въ Германіи, проникли въ самые глухіе уголки страны, да, кромѣ того, множество ихъ странствуетъ по базарамъ, ярмаркамъ, сельскимъ праздникамъ и т. п. народнымъ сборищамъ.

О происхожденіи болѣзней.

Очеркъ Е. Ладова. (Съ 5 рис. на этой стр.).

Вопросъ о происхожденіи болѣзней представляетъ огромный научный и практическій интересъ. Новѣйшія теоріи (Аррениусъ), допускающія возможность распространенія живыхъ зародышей въ міровомъ, междупланетномъ, пространствѣ, несомнѣнно могутъ

пролить свѣтъ на поставленный выше вопросъ. Чрезмѣрно малая величина болѣзнетворныхъ зародышей-микробовъ даетъ имъ возможность ускользать изъ сферы земнаго притяженія подъ вліяніемъ незначительныхъ воздѣйствій, достаточныхъ для того, чтобы признать возможность движенія этихъ микроскопическихъ, мельчайшихъ частицъ въ сферѣ небеснаго пространства. Новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что причиной движенія этихъ частичекъ можетъ являться свѣтъ. Дѣло въ томъ, что свѣтъ производитъ нѣкоторое давленіе на всѣ тѣла, которые онъ освѣщаетъ, и это давленіе при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть въ десять разъ больше притяженія, которое можетъ оказывать на эти почти невѣсомыя частицы солнце. Если принять эту остроумную теорію объѣма живыхъ зародышей между планетами, то возникаетъ интересный вопросъ: получаютъ ли при этомъ объѣмѣ новыя формы организмовъ, новые виды зародышей, до того времени еще не дошедшіе до нашей планеты? Въ этомъ отношеніи важныя указанія можетъ дать изученіе исторіи, изученіе дошедшихъ до насъ памятниковъ искусства, дающихъ возможность точно разрѣшить вопросъ о существованіи той или другой болѣзни въ древности. Несомнѣнно, что въ наше время существуетъ слишкомъ много самыхъ разнообразныхъ болѣзней, о которыхъ наши предки не имѣли никакого представленія. Съ одной стороны, появленіе новыхъ болѣзней обуславливается осложняющимися условіями жизни, создающими для этого благоприятную почву. Съ другой стороны, огромные успѣхи, которые сдѣлала въ послѣднее время медицина въ распознаваніи болѣзней, даетъ возможность выдѣлить цѣлый рядъ заболѣваній, уже существовавшихъ издавна, но не распознанныхъ и смѣшиваемыхъ въ одну группу съ другими. Для опредѣленія давности существованія различныхъ болѣзней даютъ богатый матеріалъ дошедшіе до насъ многочисленные образцы искусства древнихъ народовъ. Особенный интересъ въ этомъ отношеніи представляютъ достигающія необыкновеннаго реализма изображенія болѣзней, встрѣчающіяся въ терракотовыхъ издѣліяхъ древнихъ перувианцевъ, относящихся къ XIII столѣтію, слѣдовательно—еще въ періодъ до открытія Америки Колумбомъ.

Рис. 1. Заболѣваніе, сходное съ волчанкой.

Рис. 3. Заболѣваніе всего лица.

Рис. 4. Разрушеніе носа, суженіе отверстія рта.

Рис. 5. Заболѣваніе, разрушившее носъ и верхнюю губу.

Какъ извѣстно, существуетъ предположеніе, что одна изъ наиболѣе губительныхъ для человечества болѣзней—люэсъ—была занесена въ Европу изъ Америки матросами Колумба. Съ этимъ временемъ какъ разъ совпадаетъ эпидемическое распространеніе люэса въ Европѣ. Остатки перувианскаго искусства даютъ точки опоры для разрѣшенія этого интереснаго вопроса. Насколько реально изображались у инковъ различныя внѣшнія проявленія болѣзней—можно судить по помѣщаемымъ рисункамъ. Это—снимки съ глиняныхъ сосудовъ, украшенныхъ иногда очень богато, изображающихъ различныя формы болѣзней. Рис. 2 даетъ характерную картину парализованной лѣвой половины лица. Изъ широко раскрытыхъ вѣкъ выпячивается увеличенное глазное яблоко. Другой глазъ давно потерянъ, такъ какъ даже наступила атрофія верхней челюсти. Мастера, очевидно, изощрились въ изображеніи подобныхъ поражений, при чемъ часто встрѣчается на ряду съ параличомъ лицевого нерва и слѣпоты на оба глаза. Слѣдующій рисунокъ представляетъ интересъ по удачно переданному выраженію боли: щеки и губы изображены сильно припухшими; припухшія вѣки плотно сомкнуты. Особенный интересъ имѣютъ слѣдующія изображенія, въ которыхъ болѣзненный процессъ пожираетъ центральныя части лица и производитъ значительныя разрушенія носа и рта, такъ правдиво переданныя. Одинаковую картину въ этомъ отношеніи могутъ дать три тяжелыхъ болѣзни, отъ которыхъ не можетъ избавиться человечество: волчанка, люэсъ и проказа. Рис. 4 представляетъ изуродованное болѣзною лицо съ извѣденными крыльями носа, съ губами, разрушенными

и стянутыми рубцами въ небольшую косую щель и слѣдами язвеннаго разрушенія на лицѣ. Болѣе сходную съ картиной волчанки даетъ слѣдующее изображеніе, въ которомъ видна сильная припухлость губъ, а также извѣдены крылья носа и перегородка. Такую картину можетъ дать тяжелая форма волчанки, поразившей область носа, послѣ выздоровленія. Это—туберкулезное поражение кожи, вызываемое туберкулезными палочками; оно можетъ остановиться, но, конечно, разрушенныя части вновь не восстанавливаются.

Встрѣчаются изображенія и дальнѣйшихъ стадій болѣзни, гдѣ разрушеніе зашло еще дальше, гдѣ извѣдены весь носъ и губы, такъ что образуется одно общее отверстіе. Очевидно, что на подобные сюжеты былъ спросъ, и мастера выдѣлывали въ большомъ количествѣ сосуды съ подобными изображеніями. Какая же болѣзнь служила объектомъ для художественнаго творчества? По этому поводу велись ожесточенные споры, въ которыхъ принимали горячее участіе видные представители медицины, съ извѣстнымъ Р. Вирховымъ во главѣ. Предполагалось первоначально существованіе „американской проказы“, но дальнѣйшее изученіе этого вопроса показало, что это предположеніе является мало-вѣроятнымъ, и колыбелью этой страшной библейской болѣзни попрежнему можетъ считаться Востокъ. Точно такъ же осталось недоказаннымъ существованіе люэса въ Америкѣ въ періодъ до Колумба. Однако многочисленныя изображенія, повидимому, одной и той же болѣзни въ различныхъ стадіяхъ ея проявленія указываютъ на то, что эти болѣзни имѣли широкое распространеніе, и что представлялось много случаевъ для художника наблюдать заболѣваніе. По мнѣнію Голлендера, эта отошедшая въ область преданія болѣзнь не могла быть ни одной изъ приведенной выше губительной триады—волчанки, люэса и проказы. Такъ какъ изображеніе болѣзни встрѣчается только на лицѣ, то очевидно, что болѣзнь преимущественно и поражала лицо и открытыя части тѣла. Тяжелыя разрушенія, которыя производила болѣзнь, указываютъ на ея быстрое теченіе и возможность смертельныхъ исходовъ. Возможны, впрочемъ, были и случаи выздоровленія, на что указываютъ изображенія съ рубцами и рубцовыми суженіями отверстія рта. Болѣзни, по всей вѣроятности, передавались чрезъ

послѣ того, какъ уходять въ могилу послѣдніе изъ ея живыхъ свидѣтелей.

22 мая с. г. скончался еще одинъ изъ славныхъ севастопольцевъ, инженеръ-генераль Петръ Ѳеодоровичъ Рербергъ, занимавшій должности члена Государственнаго Совѣта и Военнаго Совѣта. Покойный былъ однимъ изъ старѣйшихъ и выдающихся русскихъ генераловъ и съ честью занимать въ теченіе долгихъ лѣтъ видныя и ответственныя мѣста и должности по военному вѣдомству.

П. Ѳ. Рербергъ родился въ 1835 году въ Петербургѣ. Окончивъ въ 1844 году Инженерное училище, онъ былъ почти немедленно командированъ въ осажденный Севастополь и состоялъ въ рядахъ защитниковъ вплоть до конца осады, принимая участіе во всѣхъ выдающихся сраженіяхъ и отраженіяхъ штурмовъ и, между прочимъ, въ эпической борьбѣ за Малаховъ курганъ.

Послѣ Севастопольской войны генераль П. Ѳ. Рербергъ служилъ долгое время на Кавказѣ, числясь въ спискахъ тифлисской инженерной команды, а позднѣе—будучи прикомандированъ къ штабу начальника инженеровъ кавказской арміи. И на Кавказѣ П. Ѳ. Рербергу пришлось принять видное участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ: онъ участвовалъ въ наступательныхъ дѣйствіяхъ князя Барятинскаго на горцевъ, въ покореніи

Чечни, Дагестана и въ окончательномъ разгромѣ арміи Шамиля. Послѣ того П. Ѳ. Рербергъ былъ назначенъ на должность начальника инженеровъ кавказскаго военнаго округа. Должность эту онъ занимать въ теченіе 12 лѣтъ слишкомъ. Большое участіе принялъ покойный генераль и въ Русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг. Онъ участвовалъ тогда въ дѣлахъ съ непріателемъ подъ Карсомъ, руководилъ постройкой осадныхъ батарей и, кромѣ того, участвовалъ въ отраженіи вылазокъ карскаго гарнизона и въ сраженіяхъ на Аладжинскихъ высотахъ. Дѣятельность П. Ѳ. Рерберга въ этой войнѣ была, между прочимъ, отмѣчена тѣмъ, что одинъ изъ карскихъ фортовъ былъ названъ въ его честь „Рербергъ“.

П. Ѳ. Рербергъ имѣлъ всѣ высшіе ордена, вплоть до рѣдчайшаго и высшаго—ордена св. Андрея Первозваннаго. Въ 1904 году—уже послѣ того, какъ покойный генераль пропелъ нескончаемый рядъ чиновъ и должностей—онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и такимъ образомъ во-

Медаль, выбитая въ память П. А. Столыпина Всероссийскимъ Национальнымъ клубомъ.

Членъ Государственнаго Совѣта инж.-генераль П. Ѳ. Рербергъ (1835—1912).

Членъ Гос. Совѣта инж.-ген. П. Ф. Унтербергеръ. (По поводу 50-лѣтія служенія въ офицерскихъ чинахъ).

Генераль-ад. ген.-отъ-инф. И. А. Фуллонъ. (По поводу 50-лѣтія служенія въ офицерскихъ чинахъ).

Членъ Гос. Совѣта адмираль А. А. Бирилевъ. (По поводу 50-лѣтія служенія въ офицерскихъ чинахъ).

укусъ насѣкомыхъ. Указаніемъ на это могутъ служить встрѣчающіяся рядомъ съ изображеніемъ болѣзни изображенія большихъ насѣкомыхъ. Такимъ образомъ нельзя найти новыхъ доказательствъ въ пользу существованія проказы и люэса въ Америкѣ, и наоборотъ—слѣдуетъ считать, что люэсъ былъ неизвѣстенъ народамъ Америки до Колумба.

П. Ѳ. Рербергъ. (Портр. на этой стр.).

Послѣдніе изъ славныхъ участниковъ обороны Севастополя отходятъ въ иной міръ... Далекая героическая эпоха, о которой осталось въ нашей исторіи столько легендарныхъ воспоминаній, все болѣе и болѣе переходитъ въ область исторіи и легендъ

шелъ въ составъ нашей Верхней палаты наканунѣ ея преобразованія. Въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта П. Ѳ. Рербергъ присутствовалъ неуклонно и не манкировалъ ими, несмотря даже на схваченную имъ въ послѣднее время инфлуэнцу. Уже больной, онъ все-таки не покидалъ своей энергической дѣятельности въ Совѣтѣ и скончался, можно сказать, на своемъ посту, какъ истинный воинъ и человекъ долга.

П. Ѳ. Рербергъ числился ю инженернымъ войскамъ, состоялъ почетнымъ членомъ Николаевской Инженерной Академіи, Императорскаго Кавказскаго медицинскаго общества, председателемъ комитета по возстановленію памятниковъ Севастопольской обороны и, сверхъ того, участвовалъ еще въ нѣсколькихъ учрежде-

ніяхъ. Принималъ онъ участіе и въ дѣятельности общества Краснаго Креста въ должности товарища предѣдателя Главнаго управленія.

Въ его лицѣ русскими военными кругами утраченъ крупный дѣятель, человекъ громаднaго опыта и большой творческой воли.

А. Г. Небольсинъ. (Портр. на этой стр.).

20 мая с. г. исполнился тройной юбилей извѣстнаго дѣятеля въ области профессиональнаго образования — А. Г. Небольсина. А. Г. праздновалъ въ этотъ день двадцатипятилѣтіе своего безсѣмѣннаго предѣдательства въ комиссіи по техническому образованию Императорскаго Техническаго общества, затѣмъ сорокалѣтіе своего участія въ названномъ обществѣ и пятидесятилѣтіе государственной службы.

А. Г. Небольсинъ родился въ 1842 году. Образование онъ получилъ въ Императорскомъ Лицеѣ и по окончаніи въ немъ курса вступилъ на государственную службу въ Министерство Финансовъ. Въ свое время А. Г. положилъ немало труда въ области урегулированія взаимоотношеній между рабочими и фабрикантами и также трудился надъ выработкой правилъ о надзорѣ за заведеніями фабрично-заводской промышленности. Онъ принималъ, кромѣ того, видное участіе въ разработкѣ положенія о техническихъ и профессиональныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но главная дѣятельность А. Г. Небольсина, — дѣятельность, въ которой онъ обнаружилъ такъ много энергіи и любви къ дѣлу, — протекла и протекаетъ въ Императорскомъ Техническомъ обществѣ, гдѣ онъ съ 1887 года состоитъ, какъ уже сказано, предѣдателемъ постоянной комиссіи. Кромѣ того, А. Г. Небольсинъ участвовалъ въ учрежденіи нѣсколькихъ обществъ женскаго профессиональнаго образования и принималъ горячее участіе въ устройствѣ съѣздовъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованию. Съ 1892 года А. Г. Небольсинъ состоитъ редакторомъ журнала „Техническое и Коммерческое Образование“, издаваемого при той комиссіи, въ которой А. Г. Небольсинъ занимаетъ предѣдательскую должность.

Кромѣ того, А. Г. Небольсинъ состоитъ въ настоящее время членомъ Ученаго Комитета при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и Учебнаго Комитета при Министерствѣ Торговли и Промышленности.

А. Г. Небольсину принадлежитъ цѣлый рядъ крупныхъ трудовъ въ излюбленной имъ области профессиональнаго образования и фабричнаго законодательства. Изъ нихъ слѣдуетъ упомянуть: „Историко-статистическій очеркъ общаго и спеціальнаго образования въ Россіи“, „Законодательство о фабричныхъ и заводскихъ классахъ въ иностранныхъ государствахъ“, „Notices statistiques sur les industries textiles en Russie“ и др.

Многолѣтняя и плодотворная дѣятельность А. Г. Небольсина въ Техническомъ обществѣ и его обаятельныя личныя качества привлекли къ нему общія симпатіи со стороны всѣхъ, кто знаетъ его и имѣетъ съ нимъ дѣло. Особенно ярко обнаружили эти симпатіи во время юбилейнаго торжества въ честь А. Г. Небольсина. Торжество это состоялось 20 мая въ Солянскомъ Городкѣ и привлекло множество участниковъ, явившихся какъ лично отъ себя, такъ и въ составѣ многочисленныхъ депутацій, поздравить юбиляра и помянуть добрымъ словомъ его плодотворную просвѣтительную дѣятельность.

Труженики прилавка.

(Вопросы внутренней жизни).

Почти передъ концомъ своей дѣятельности четвертая Гос. Дума занялась обсужденіемъ законопроекта о положеніи служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ. Общее количество ихъ въ Россіи достигаетъ почти двухъ милліоновъ. Нельзя отрицать, что въ Россіи условія труда торговыхъ рабочихъ до сихъ поръ чрезвычайно тяжелы. Милліоны тружениковъ прилавка лишены права на воскресный отдыхъ и поставлены въ полную зависимость отъ усмотрѣнія хозяевъ. Въ разныхъ городахъ ихъ трудъ регулируется обязательными постановленіями, мѣстныхъ общественныхъ самоуправленій, иногда даже приказами и распоряженіями полицейской власти. Само собою разумѣется, что въ разныхъ мѣстностяхъ обязательныя постановленія городскихъ думъ носятъ различный характеръ, и въ общемъ правила, регулирующія работу торговыхъ заведеній, находятся въ довольно хаотичномъ состояніи. Урегулировать ихъ, привести къ стройности и единству, согласовать права торговыхъ служащихъ съ интересами хозяевъ и съ требованіями населенія давно пора. Эту заботу взяла на себя третья Дума. Къ сожалѣнію, почти съ перваго же момента внесенія правительственнаго законопроекта въ Гос. Думу онъ сдѣлался ареною острой партійной борьбы.

Сущность законопроекта въ изложеніи докладчика, барона Тизенгаузена, сводится къ слѣдующему:

Служащимъ въ случаѣ болѣзни и женщинамъ въ родовой

періодъ долженъ предоставляться отпускъ съ сохраненіемъ содержанія. На тѣхъ же условіяхъ предусматривается и ежегодный отпускъ служащимъ, прослужившимъ въ предпріятіи болѣе года. Въ проектѣ перечислены случаи, когда та и другая сторона въ правѣ отказаться отъ договора безъ предварительнаго заявленія до срока. Въ немъ содержится постановленіе, касающееся малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ служащихъ. Докладчикъ указываетъ, что законопроектъ, не вводя ничего новаго, ничего такого, чего бы уже не подсказала жизнь, является по существу не чѣмъ инымъ, какъ нивелировкой существующихъ правъ по высшему уровню. Законопроектъ является не только актомъ элементарной справедливости, но и актомъ государственной необходимости. При всемъ томъ комиссія считалась однако не только съ интересами торговыхъ служащихъ, но и съ интересами хозяевъ и представителей мелкой промышленности, ибо, пока государство живетъ наемнымъ трудомъ, законъ не можетъ брать подъ свою защиту исключительно интересы представителей наемнаго труда.

Петровъ 3-й (трудовикъ) считаетъ, что законопроектъ является не болѣе, какъ предвыборнымъ маневромъ центра Думы, ибо нѣтъ никакой надежды, чтобы этотъ законопроектъ прошелъ черезъ Гос. Совѣтъ. По существу же законопроектъ, несомнѣнно, заслуживаетъ большого вниманія и является очень важнымъ, хотя, конечно, въ немъ содержится много дефектовъ вслѣдствіе того, что къ участію въ разработкѣ его не были привлечены представители служащихъ. Заявляя, что трудовая группа будетъ голосовать за переходъ къ постатейному чтенію, ораторъ вноситъ рядъ поправокъ.

Щепкинъ (к.-д.) отмѣчаетъ, что общій дефектъ проекта заключается въ томъ, что проектъ, какъ нормирующій существующій обычай, основанный на произволѣ, сохранилъ этотъ оттѣнокъ. Отъ него все еще отдаетъ рабствомъ и духомъ дореформеннаго времени. Однако всѣ эти дефекты не дѣлаютъ законопроектъ неприемлемымъ въ цѣломъ, ибо онъ все же даетъ нѣкоторыя надежды на улучшеніе существующаго положенія. К.-д. будутъ голосовать за переходъ къ постатейному чтенію и поддерживать поправки трудовиковъ.

С.-д. Предкальнъ полагаетъ, что законопроектъ осуществленія, за краткостью остающагося до истеченія полномочій срока, не получить и является лишь маневромъ, которымъ думское большинство стремится успокоить начавшееся рабочее движеніе.

Аджемовъ (к.-д.) находитъ, что думская комиссія совершенно испортила внесенный правительствомъ законопроектъ. Ораторъ сравниваетъ рядъ статей правительственнаго и комиссіоннаго проектовъ и, въ заключеніе, приходитъ къ выводу, что законъ этотъ будетъ мертвой буквой.

Докладчикъ бар. Тизенгаузенъ, отвѣчая лѣвымъ, заявляетъ:

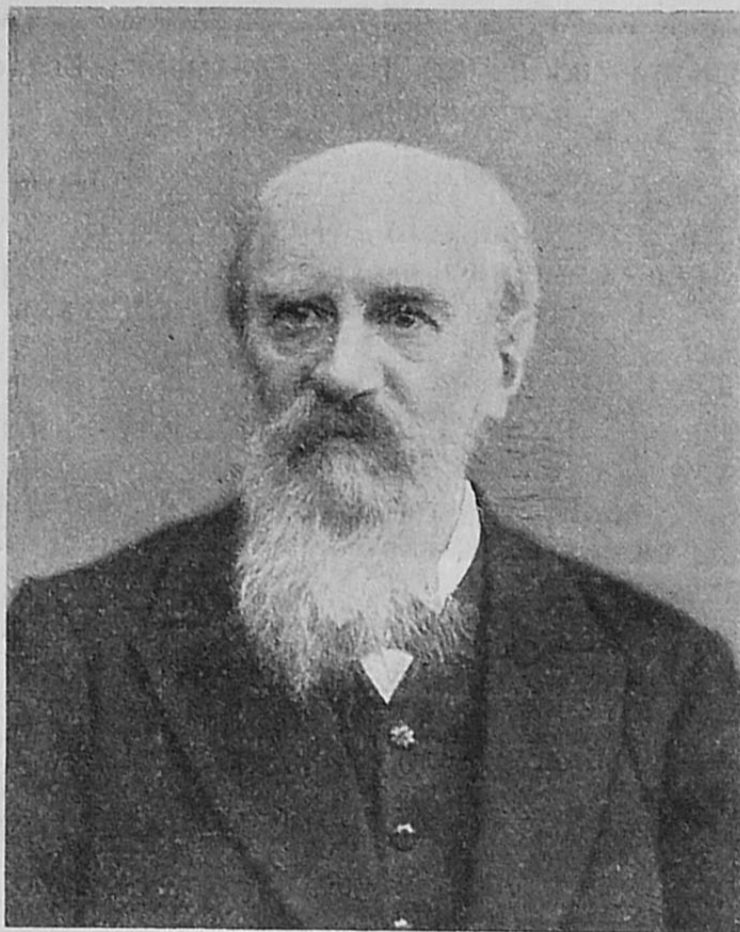
— Не господа ли изъ оппозиціи настаивали на разсмотрѣніи этого законопроекта, и не ваши ли требованія касались настоятельной необходимости постановки вопроса на очередь? Я утверждаю, что вамъ не нуженъ для предвыборной кампаніи самый законопроектъ, а нужны только тѣ пренія, которыя здѣсь происходили, и что самого законопроекта вы боитесь пуце ладана. И въ этомъ разница между вами и центромъ. Вамъ необходимо только порисоваться. Вамъ нужны громкія слова съ подобающей интонаціей, мы же не гонимся за эффектомъ и стремимся только къ тому, чтобы проектъ сталъ дѣйствующимъ закономъ. У васъ стимуломъ является узкій, слѣпой и недалновидный классовый эгоизмъ, мы же повинемся побужденіямъ государственнаго эгоизма. Затѣмъ, что касается Гос. Совѣта, то я долженъ сказать, что мы не имѣемъ права, послѣ того, какъ Гос. Совѣтъ положительнымъ образомъ отнесся къ рабочему законодательству, сомнѣваться въ томъ, что онъ употребитъ всѣ усилія для осуществленія проекта, если къ тому будетъ малѣйшая возможность. Не сомнѣваюсь, что и правительство въ лицѣ министра торговли употребитъ свое вліяніе для осуществленія проекта.

Думское большинство, къ которому присоединились и трудовики, стало на чисто государственную точку зрѣнія и приняло законопроектъ въ редакціи комиссіи.

Распадъ Китая.

(Политическое обозрѣніе).

Обновленіе дряхлаго Китая, пошедшее ускореннымъ революціоннымъ темпомъ, повидимому, не привело къ тѣмъ результатамъ, на которые рассчитывали инициаторы китайской революціи. Мечты о грядущемъ возрожденіи пока остаются несбыточными снами, и, вмѣсто того, чтобы воспрянуть отъ тысячелѣтняго сна и воскреснуть въ силѣ и славу, свободный китайскій народъ съ первыхъ же шаговъ застрялъ въ анархін и никакъ не можетъ выльзти изъ засасывающей его трясины. Преобразование древняго политическаго строя по европейскому образцу приблизило его не къ крѣпкимъ въ устояхъ своей гражданствен-

А. Г. Небольсинъ (по поводу 50-лѣтія государственной службы).

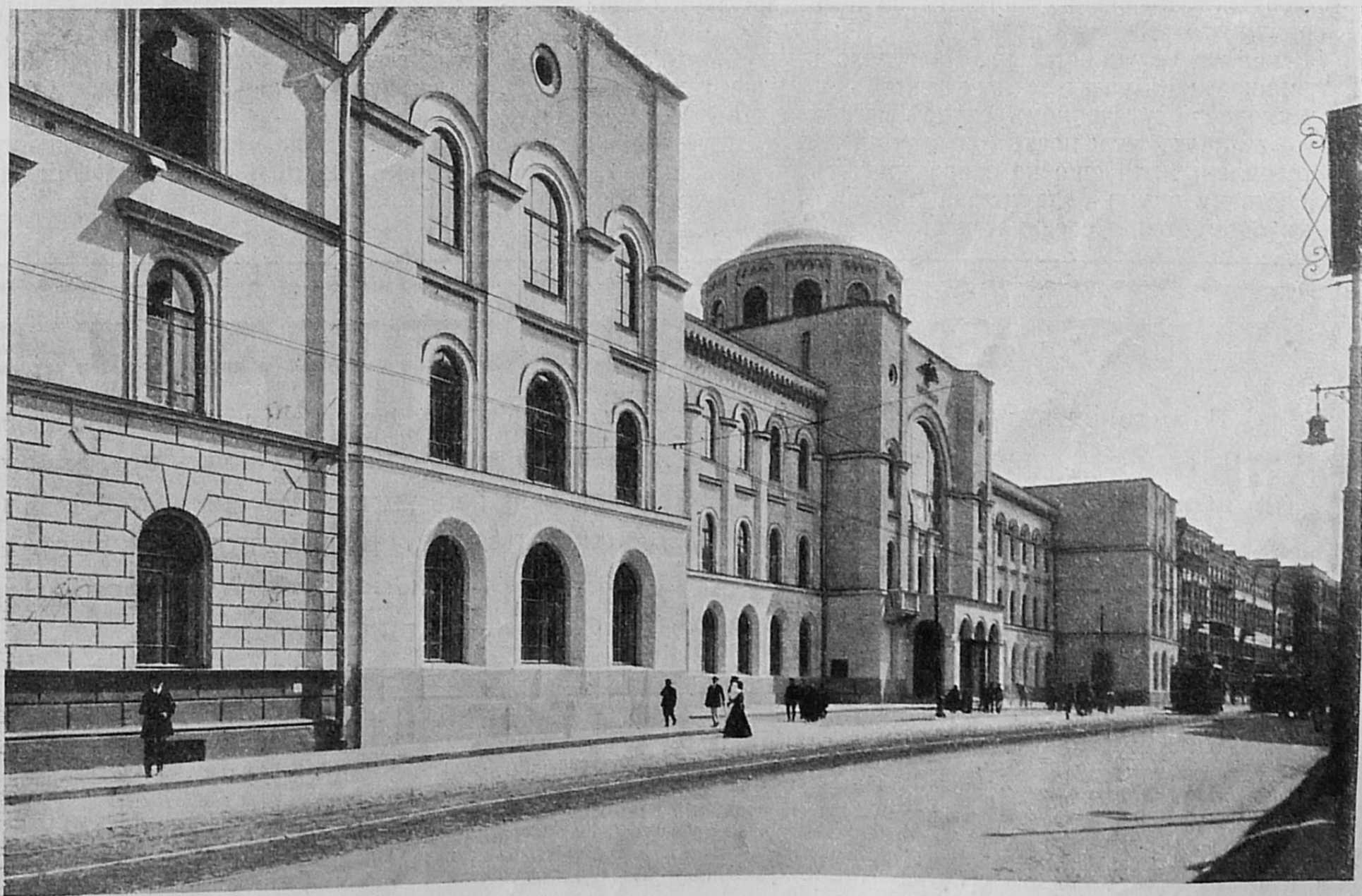
Къ 75-лѣтію дня рожденія И. Н. Крамского. Зданіе художественной галлерей имени Крамского и общественной библіотеки, выстроенное въ г. Острогжскѣ, Воронежской губ., по инициативѣ Г. Н. Яковлева.

ности европейскимъ державамъ въ родѣ Англии, а къ заживо разлагающимся политическимъ организмамъ Востока въ родѣ Персіи, для которой самая попытка конституціонныхъ преобразований послужила какъ бы началомъ конца. Глядя на поучительный опытъ Персіи, Турціи и Китая, самые пламенные революціонеры должны сознаться, что революціи не всегда совершаются на благо народовъ. Повидимому, всего менѣе въ культурномъ смыслѣ удачными и наиболѣе рискованными оказываются тѣ революціи, которыя устраиваются передовыми генералами и офицерами. При безпредѣльномъ могуществѣ современнаго вооруженія въ видѣ всеразрушающей артиллеріи и пулеметовъ, революціи безъ главенствующаго участія арміи становятся почти физически невозможными, а главенство дисциплинированной арміи, больше опирающейся на сознание своей силы, чѣмъ на отвлеченную идею гражданскаго права, всякому революціонному правительству придаетъ характеръ военной диктатуры, т.-е. усиленной и заново обновленной деспотіи, увѣшанной революціонными флагами свободы. Младо-турецкіе конституціоналисты, систематически практикующіе тайныя убійства своихъ политическихъ враговъ, проводящіе выборы, какъ военныя экзекуціи, по своей политической психологій несравненно больше имѣютъ общаго со своимъ низверженнымъ султаномъ, чѣмъ съ свободнымъ и уважающимъ свободу другихъ англійскимъ гражданиномъ. Первые шаги революціонныхъ властителей Китая, украшенныхъ генеральскими эполетами за долгую и вѣрную службу свергнутой ими имперіи, рисуются въ такомъ же глубоко плачевномъ видѣ. Быть-можетъ, отчасти подъ впечатлѣніемъ предательства, примѣръ котораго былъ преподанъ свыше, собственное войско не слушается ихъ и по всей странѣ поднимаетъ дикіе солдатскіе бунты, сжигая и разграбляя цѣлые города и селенія. Пожаръ разнузданной солдатчины революціоннымъ генераламъ приходится заливать кровью своихъ солдатъ съ помощью остающихся пока вѣрными полковъ, которые, быть-можетъ, завтра же перейдутъ въ разрядъ мятежныхъ и потребуютъ кровавой экзекуціи надъ собою. Центральная власть держится уже не вѣрою въ нее народа, а только неорганизованностью и разрозненностью недовольныхъ и бушующихъ элементовъ. вмѣсто политическаго возрожденія Китая генераль Юаншикай и генераль Ли приводятъ къ анархическому разложенію Китая вовсе не потому, что они хотѣли бы анархіи, а потому, что олицетворяемая въ нихъ власть по самому своему происхожденію и способамъ достиженія ея глубоко анархична. Именно анархиче-

ская природа военной диктатуры дѣлаетъ ее безсильной въ борьбѣ съ растущей анархіей и въ попыткахъ организациі новаго государственнаго порядка. На острияхъ штыковъ, въ какую бы сторону они ни обращались, никакъ нельзя воздвигнуть свободы и обосновать независимый расцвѣтъ національной культуры, ибо по своему естественному назначенію армія можетъ быть только охранительницей государства отъ внѣшнихъ опасностей, но никакъ не двигателемъ внутренняго прогресса. Въ уклоненіи отъ своей собственной природы заключаются причина роковыхъ и неизбежныхъ неудачъ всѣхъ военныхъ революцій и высшая трагедія мундирныхъ революціонеровъ. Не поддержанные народомъ, они вынуждены обращать свое оружіе противъ народа и, возставъ противъ деспотизма, насаждаютъ сугубый деспотизмъ. Неизгладимая печать рокового неудачничества и внутренняго безсилія, въ которое впадаетъ человекъ, попирающій самого себя, легла на гордыя начинанія китайскихъ революціонеровъ. Ихъ побѣда ознаменовалась отпаденіемъ Тибета, Монголіи и Кульджи, обостреніемъ антагонизма между югомъ и сѣверомъ и обильнымъ посѣвомъ грядущихъ междоусобій. Тибетъ послѣ долгой борьбы изгналъ и вырѣзалъ китайцевъ и привѣтствуетъ возвращеніе своего духовнаго правителя — Далай-ламу. Осажденный въ Лхасѣ китайскій гарнизонъ неизбежно долженъ сдать или взорваться на воздухъ, какъ взорвался начальникъ войскъ въ Кульджѣ за отсутствіемъ всякой надежды на внѣшнюю помощь. Монголія, объявившая независимость, понемногу организуетъ свои военныя силы подъ руководствомъ нѣсколькихъ русскихъ инструкторовъ. Пока ея неналаженное самоуправленіе еще слабо, и Китай безъ труда могъ бы снова покорить отложившіяся инородческія окраины, но Желтый Колосъ обезсилень внутренними неурядицами и не въ силахъ воспринять изъ охватившей его анархіи. Съ каждымъ днемъ она растетъ все больше. Необходимость внѣшняго займа, обусловленнаго иностраннымъ контролемъ надъ китайскими финансами, усилила разладъ между сѣверомъ и югомъ. Палата представителей, собранная, въ сущности, безъ выборовъ и не имѣющая никакого авторитета въ странѣ, раздѣлилась на три равныя и взаимно непримиримыя партіи, а отказъ генерала Ли отъ званія вице-президента знаменуетъ полный разрывъ южныхъ революціонеровъ съ Юаншикаемъ. Никто не знаетъ, скоро ли войдетъ въ свои берега разбушевавшееся Желтое море. Быть-можетъ, дальнѣйшее развитіе событій сдѣлаетъ изъ китайцевъ грозную силу, однакоже въ ближайшемъ будущемъ китайская революція можетъ окончиться не только отпаденіемъ всѣхъ окраинъ, но даже и расчлененіемъ самого Китая. Страхъ передъ Желтымъ Дракономъ соблазняетъ Европу воспользоваться періодомъ его внутренняго безсилія и предохранить себя отъ будущей опасности.

Къ рисункамъ.

Рисунки настоящаго № „Нивы“ посвящены воспоминаніямъ о трагическомъ паденіи Наполеона I, который предоставилъ поэтамъ и художникамъ всѣхъ странъ такое богатство темъ и сюжетовъ изъ своего романтическаго царствованія.

Новое зданіе Почтамта въ Москвѣ, на Мясницкой улицѣ. Торжество освященія новаго грандіознаго зданія состоялось 13 мая с. г. По своимъ размѣрамъ новый московскій Почтамтъ превзошелъ всѣ зданія почтамтовъ Западной Европы. Строилъ зданіе Почтамта Л. И. Новиковъ.

Закатъ славы Наполеона начался ровно сто лѣтъ тому назадъ. Въ текущемъ году Россія готовится отпраздновать Бородинскую годовщину и цѣлый рядъ событій, связанныхъ въ нашествѣмъ „двадцати языковъ“... Это нашествіе и послѣдовавшій затѣмъ пожаръ Москвы послужили тѣмъ толчкомъ, который повлекъ фатально-быстрое и неуклонное паденіе Наполеона... Въ особенности же быстро пошло затменіе его славы въ 1815 году, послѣ рокового сраженія при Ватерлоо...

Но еще и тогда, въ началѣ той военной кампаніи, которая привела къ Ватерлоо, Наполеону было суждено еще разъ испытать упоеніе военной удачи. Это было за два дня до Ватерлоо: 16 іюля 1815 года Наполеонъ стремительно атаковалъ пруссаковъ близъ селенія Линьи (въ Бельгіи). Атака была удачна для французовъ, и пруссаки, которыми командовалъ знаменитый Блюхеръ, были опрокинуты и принуждены были отступить. Самъ Блюхеръ едва не погибъ во время одной изъ стычекъ. Рѣшительный моментъ этого сраженія, принесшій французамъ послѣднюю удачу, наступилъ вечеромъ, при закатѣ солнца... Картина

И Наполеонъ далъ Веллингтону сраженіе... Послѣ долгихъ и кровавыхъ стычекъ счастье стало склоняться на сторону французовъ. Веллингтонъ былъ утомленъ, и могло статься, что онъ отступитъ. Но два обстоятельства погубили французовъ: невѣрное указаніе, данное Наполеону относительно дороги какимъ-то встрѣченными крестьяниномъ, и неожиданное появленіе Блюхера съ пруссаками. Первое обстоятельство запутало Наполеона и его штабъ: вслѣдствіе ошибки въ мѣстности не было сдѣлано то, что надлежало сдѣлать—и одна эта ошибка повлекла множество другихъ ошибокъ... Рѣшающій психологическій и тактический моментъ въ сраженіи былъ упущенъ. А тѣмъ временемъ налетѣлъ Блюхеръ—и армія Веллингтона сразу перешла въ наступленіе... И сраженіе кончилось для Наполеона печально. Французы отступили, а пруссаки Блюхера внесли такое смятеніе въ ихъ ряды, что даже карета самого Наполеона была захвачена пруссаками... Картины В. Сюлливана—„Тревожный моментъ“ и Ф. Неймана—„Захватъ кареты Наполеона“ изображаютъ вышеупомянутые моменты боя при Ватерлоо...

Новый Музей изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III въ Москвѣ, открытый 31 мая с. г. въ Высочайшемъ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ. Музей этотъ состоитъ при Московскомъ Университетѣ и представляетъ богатѣйшее собраніе копій съ величайшихъ образцовъ мірового искусства. Каждой эпохѣ въ исторіи искусствъ отведена особая зала. По фот. К. Фишера.

художника Вейсса „Послѣдніе лучи“ изображаетъ именно этотъ моментъ... Это были дѣйствительно послѣдніе лучи славы Наполеона и его „Великой арміи“...

Вскорѣ эти лучи погасли... Наступило знаменитое Ватерлоо, разразившееся 18 іюня и такъ эффектно описанное Викторомъ Гюго...

Наполеона въ данномъ случаѣ погубила его самонадѣянность. Онъ рѣшилъ, что послѣ битвы при Линьи пруссаки настолько ошеломлены, что еще не скоро придутъ въ себя, и онъ успѣетъ напасть на армію Веллингтона и разбить ее прежде, чѣмъ пруссаки опомнятся и соединятся съ Веллингтономъ.

Послѣ битвы при Ватерлоо политическая роль Наполеона была завершена... И скорѣ всего могущій императоръ Франціи превратился въ плѣнника англичанъ и былъ отправленъ на корабль „Белерофонъ“ въ вѣчное заточеніе на островъ св. Елены... Картина „Наполеонъ на „Белерофонѣ““ является иллюстраціей къ этому трагическому событію въ жизни Наполеона. Мы видимъ его здѣсь въ обществѣ цѣлаго ряда лицъ, такъ или иначе принимавшихъ участіе въ его личной жизни.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разерочки подписной платы за „Ниву“ сего 1912 г., къ 1 іюня слѣдовало внести **не менѣе 6 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 1 іюля (съ № 27-го). При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли или прилагать самый адресъ. При **перемѣнѣ адреса** слѣдуетъ прилагать **28 коп.** почтовыми марками и **печатный адресъ** или сообщить № печатнаго адреса.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Подъ аистиннымъ гнѣздомъ. Повѣсть Вл. Ленскаго. — Ивановъ ночь. Стихотвореніе Н. А. Карпова. — Н. В. Успенскій. Очеркъ изобрѣтенъ кинематографъ. — П. В. Быкова. — Сельская школа. Посмертная повѣсть Н. В. Успенскаго. — Грустная свадьба. Разсказъ Владиміра Гордина. — Какъ былъ Распадъ Китая (Политическое обозрѣніе). — Къ рисункамъ. — Заявленіе. — Объявленія.

Р И С У Н К И: Вечеръ сраженія при Линьи (16 іюня 1815 г.). — Наполеонъ на „Белерофонѣ“, — Тревожный моментъ (Ватерлоо, 18 іюня 1815 г.). — Захватъ кареты Наполеона послѣ битвы при Ватерлоо. — Н. В. Успенскій. — О происхожденіи болѣзней (5 рисунковъ). — Медаль, выбитая въ память П. А. Столыпина Всероссийскимъ Национальнѣмъ клубомъ. — Членъ Государственнаго Совѣта инженеръ-генералъ П. Ф. Рербергъ. — Адмиралъ А. А. Бирилевъ. — П. Ф. Унтербергеръ. — Ген.-ад. ген.-отъ-инф. И. А. Фуллонъ. — Раторъ Александра III въ Москвѣ.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Помяловскаго“ нн. 3.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

